

Б. И. Иванов

История Клуба- 81

Издательство Ивана Лимбаха

Борис Иванович Иванов

История Клуба-81

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19223944

*История Клуба-81: Издательство Ивана Лимбаха; Санкт-Петербург;
2015*

ISBN 978-5-89059-241-5

Аннотация

Книга воспоминаний Б. И. Иванова (1928–2015) – прозаика, публициста, культуролога, одного из создателей литературного Клуба-81, полна живых свидетельств и документов, ярко характеризующих культурную жизнь Ленинграда 1980-х годов – не столь далекого, хотя и ускользающего от нас времени, уже ставшего историей.

Борис Иванович Иванов – дипломант Анциферовской премии, лауреат Премии Андрея Белого, премий журналов «Знамя» и «Новый мир»; подлинный хронист эпохи самиздата.

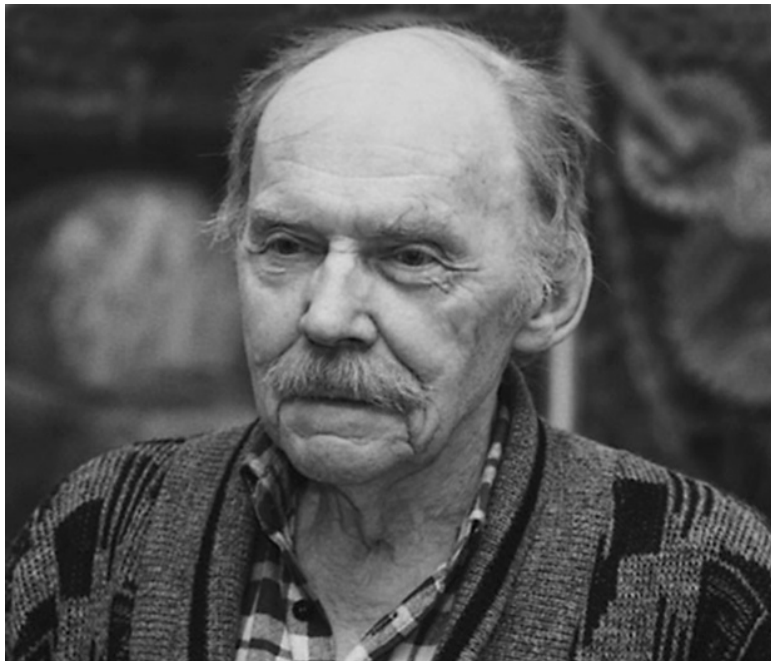
Книга адресована литературоведам, историкам, социологам и широкому кругу читателей, интересующихся новейшей отечественной литературой.

Содержание

Хроника	5
Введение	15
1980 год	21
1981 год	32
1982 год	81
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Б. И. Иванов

История Клуба-81

Хроника

1979 год

16 сентября. В Ленинграде состоялась 1-я конференция культурного движения, организованная соредакторами журнала «Часы» Б. Ивановым и Б. Останиным.

Октябрь. В Ленинграде вышел альманах «Женщина и Россия». Составители Т. Горичева, Н. Малаховская, Т. Мамонова.

Осень. К. Бутырин и С. Стратановский начали выпускать журнал критики и полемики «Диалог».

22–23 декабря. Прошла 2-я конференция культурного движения.

1980 год

Май. Г. Григорьева и Н. Лазарева выпустили первый номер журнала «Мария».

Май–июль. Эмигрируют Ю. Вознесенская, Т. Горичева, Н. Малаховская, Т. Мамонова.

1981 год

Апрель. Начались переговоры литераторов с представителями КГБ и ССП об учреждении независимого творческого объединения (впоследствии – Клуб-81).

14–17 ноября. В расселенном доме 1/3 на Бронницкой улице состоялась большая квартирная выставка ТЭИИ (Товарищества экспериментального изобразительного ис-

куства).

Осень. Вышел первый номер литературно-критического журнала «Обводный канал». Редакторы С. Стратановский, К. Бутырин, Б. Рохлин.

30 декабря. Общее собрание Клуба-81 утвердило устав и избрало правление: И. Адамацкий (председатель), С. Вовина, А. Драгомощенко, Б. Иванов, Н. Подольский, С. Стратановский.

1982 год

6 января. Вечер поэзии, организованный Клубом-81 в музее Ф. М. Достоевского. Выступали А. Драгомощенко, Е. Игнатова, В. Кривулин, О. Охапкин.

26 января. Первый вечер прозы Клуба-81 в музее Ф. М. Достоевского. Выступали Б. Дышленко, Е. Звягин, Б. Кудряков, Б. Улановская, Ф. Чирсков.

23 марта. Вечер в Клубе-81, посвященный изобразительному искусству Ленинграда. Выступили Ю. Новиков, Е. Барбан, М. Иванов, И. Иванов, В. Кривулин.

27 апреля. Вышел первый номер информационного бюллетеня Клуба-81 «Регулярные ведомости». Редакторы В. Долинин, С. Коровин.

11 мая. Вечер московских поэтов в Клубе-81: Б. Кенжеев, Ю. Кублановский, В. Лен, Д. Пригов, Л. Рубинштейн, О. Седакова.

14, 22 июня. Арестованы В. Долинин, Р. Евдокимов.

Со второй половины года мероприятия Клуба-81 про-

ходят на улице Петра Лаврова, 5.

Сентябрь. Вышел первый номер журнала «Молчание». Редактор Д. Волчек.

26 октября. Вечер памяти Леонида Аронсона. Выступили А. Альтшулер, В. Кривулин, Е. Шварц, Вл. Эрль.

10 ноября. Умер Л. Брежнев. Генеральным секретарем ЦК КПСС становится Ю. Андропов.

14 декабря. Вечер переводческой секции Клуба-81: В. Антонов, Е. Зелинская, В. Кучерявкин, Б. Останин, С. Хренов.

23 декабря. Вечер джаза в музее Ф. М. Достоевского: С. Курехин, В. Чекасин, Б. Гребенщиков.

1983 год

22 февраля. В Доме писателя вечер поэтов Клуба-81. Выступили О. Бешенковская, А. Драгомощенко, Е. Игнатова, В. Кривулин, Б. Куприянов, В. Нестеровский, О. Охупкин, Е. Шварц, Э. Шнейдерман.

23 февраля. При Клубе-81 учреждена театральная студия Э. Горошевского.

4 марта. На общем собрании клуба обсуждалось коллективное письмо в защиту арестованного В. Долинина. После дискуссии письмо подписали 22 человека. Долинин остался членом клуба.

8–10 апреля. В Клубе-81 прошла конференция «Культура и традиция», с докладами выступили Б. Иванов, В. Кушев, Э. Горошевский, С. Бернадский, В. Кривулин, М. Берг

и другие.

23 мая. В Клубе-81 с лекцией о Достоевском выступил Г. Померанц.

14 июня. В Клубе-81 состоялся литературно-музыкальный вечер. Выступили С. Курехин и Б. Гребенщиков, певица В. Пономарева, американский квартет саксофонистов ROVA.

1984 год

18 января. В «Ленинградской правде» опубликовано письмо художника И. Синявина. Предисловие написал Ю. Андреев. Протест членов клуба.

9 февраля. Умер Ю. Андропов. Генсеком ЦК КПСС становится К. Черненко.

3 мая. В Доме писателя состоялся вечер прозаиков Клуба-81.

Лето. Начал выходить сборник секции переводчиков «Предлог». Редакторы С. Магид, С. Хренов.

1985 год

10 марта. Умер К. Черненко.

11 марта. Генеральным секретарем ЦК КПСС избран М. Горбачев.

15 марта–10 апреля. 6-я выставка ТЭИИ.

Весна. В Клубе-81 прошла конференция «Искусство XX века – итоги и перспективы». С докладами выступили Г. Беневиц, А. Шуфрин, Б. Иванов, Е. Пазухин.

17 октября. Вечер памяти Л. Аронзона и А. Морева.

Декабрь. В Клубе-81 трехдневный симпозиум «Пути культуры 1960–1980-х годов». С основным докладом «Молния и радуга», вызвавшим оживленную дискуссию, выступили А. Кобак и Б. Останин.

Вышел литературно-художественный сборник «Круг». Составители Б. Иванов, Ю. Новиков.

1986 год

25 февраля–6 марта. XXVII съезд КПСС. М. Горбачев назвал брежневское правление «эпохой застоя».

30–31 мая. В Клубе-81 прошла конференция, посвященная неофициальному культурному движению.

Май. Образован Ленинградский центр творческой инициативы (ЛЦТИ) при городском комитете ВЛКСМ.

19 октября. На Владимирской площади прошел митинг в защиту дома Дельвига.

13–14 декабря. Состоялось отчетно-выборное собрание Клуба-81 в присутствии П. Коршунова и Г. Бариновой. В ответ на требование Коршунова прекратить участие в «антисоветских» зарубежных журналах члены клуба потребовали начать выпуск малотиражных литературных изданий и опубликовать «Круг-2».

Начал выходить журнал «Красный щедринец». Основатель и редактор Б. Иванов.

1987 год

14–25 января. Прошла 9-я выставка ТЭИИ, без отборочной комиссии. Выставку посетили 50 000 человек.

27–28 января. Пленум ЦК КПСС «О перестройке и кадровой политике». Провозглашена политика гласности.

2–4 февраля. Творческая лаборатория «Поэтическая функция» провела 1-ю конференцию «Новые языки в искусстве».

20 февраля. На заседании круглого стола журнала «ЭКО» в Центральном экономико-математическом институте в Москве принято решение о создании клуба межпрофессионального общения «Перестройка» для проведения дискуссий по проектам новых законов.

14 марта. В Клубе состоялась дискуссия на тему «Новое искусство в современной ситуации» с участием литераторов, художников, искусствоведов, музыкантов. В числе выступавших: И. Адамацкий, В. Герасименко, М. Иванов, А. Ковалев, С. Ковальский, Л. Кузнецов, Б. Митавский, Ю. Рыбаков, Ю. Шевчук.

21 марта. На городском форуме в память о снесенной 18 марта гостинице «Англетер» принята резолюция о создании культурно-демократического движения (КДД).

28 марта. В ДК имени Ильича состоялась учредительная конференция Совета по экологии культуры.

12 апреля. Создано экологическое объединение «Дельта». Руководитель П. Кожевников.

18 мая. Исполком Ленсовета утвердил «Временные правила о порядке проведения собраний, митингов, шествий...»

Май. Образован ленинградский межпрофессиональный клуб «Перестройка».

Июль. Вышел первый номер журнала «Вестник совета по экологии культуры». Редактор М. Талалай.

Август. Зарегистрирован клуб «Перестройка» при Правлении Ленинградского экономического общества.

22 октября. И. Бродскому присуждена Нобелевская премия.

24–25 октября. В Клубе-81 состоялась первая встреча редакторов и представителей независимых изданий Ленинграда, Москвы и Риги.

13 ноября. Учредительное собрание Ленинградского клуба «Перестройка». Избрано правление: Л. Гольдштейн, Б. Лукин, В. Монахов, В. Рамм, А. Сунгуров, А. Филиппов, А. Ющенко.

18 ноября. В Клубе-81 прошел вечер, посвященный присуждению И. Бродскому Нобелевской премии.

9 декабря. В Клуб-81 прошел вечер, посвященный памяти А. Галича.

Декабрь. Создан Координационный совет демократических организаций Ленинграда (Ю. Рыбаков, Е. Подольцева, В. Рамм, В. Монахов, М. Макаревич, И. Сошников, Ю. Нестеров).

1988 год

1–5 февраля. В Москве состоялась 2-я конференция «Новые языки в искусстве».

26 апреля. На заседании клуба «Перестройка» В. Тягушев предложил начать организацию Народного фронта Ленинграда.

7–8 мая. В Москве на квартире С. Григорьянца состоялась вторая встреча редакторов независимых изданий Москвы и Ленинграда. Принята декларация Клуба независимой печати.

8 июня. В ДК имени Ильича создан Инициативный комитет Народного фронта Ленинграда.

14 июня. В Юсуповском саду состоялся первый массовый митинг, посвященный памяти жертв политических репрессий. Выступали В. Долинин, Н. Катерли, Ю. Рыбаков, Е. Зелинская, В. Кривулин, Г. Лебедев. Объявлено о создании ленинградского «Мемориала».

25 июня. По инициативе Б. Иванова проведено первое в Ленинграде массовое шествие в поддержку демократических преобразований. Колонна прошла от концертного зала «Октябрьский» до Смольного, где состоялся митинг.

14 сентября. В Клубе-81 состоялось учредительное собрание Общества христианского просвещения. Инициаторы: Е. Пазухин (председатель), Б. Иванов.

25 сентября. Создана организация «За Народный фронт» (около 50 человек). Члены Координационного совета: А. Голов, Б. Иванов, Н. Корнев, С. Магид, Ю. Нестеров, А. Серяков, В. Лужбин.

19–20 ноября. В Москве по инициативе Клуба независи-

мой печати прошла третья встреча редакторов и представителей независимых изданий.

11 декабря. В клубе состоялся вечер, посвященный 70-летию со дня рождения А. Солженицына. Выступали Г. Анищенко, А. Гурьянов, Б. Иванов.

1989 год

4 января. «Выборы-89» утвердили предвыборный список из 35 человек (Д. А. Гранин, М. М. Чулаки, В. Г. Рамм, В. Н. Монахов, А. А. Дольский, Б. Н. Никольский, П. С. Филиппов, М. Е. Салье и другие).

8 января. В Гавани открылась художественная выставка «От неофициального искусства – к перестройке».

1–4 февраля. В Ленинграде состоялась 3-я конференция «Новые языки в искусстве».

26 марта. Выборы народных депутатов СССР. В Ленинграде потерпели поражение ведущие партийные и советские работники.

Март. Совет по экологии культуры по инициативе М. Талалая основал Общественную библиотеку-архив самиздата.

11–14 апреля. В Центральном лектории общества «Знание» прошла конференция «Независимая культура Ленинграда 1950 – 1970-х годов». С докладами выступили Б. Иванов, Вл. Эрль, В. Уфлянд, В. Долинин, С. Ковальский и другие.

25 апреля. Пленум ЦК КПСС. Критика М. Горбачева. Выход из состава ЦК 110 его членов, кандидатов, членов Ре-

визионной комиссии.

Апрель. Вышел первый номер информационного бюллетеня «Северо-Запад».

25 мая–9 июня. I Съезд народных депутатов СССР.

12 июля. Первым секретарем Ленинградского обкома КПСС избран Б. В. Гидаспов.

9–13 августа. В ленинградском Доме композиторов проведена международная летняя школа «Язык – сознание – общество».

Август. Образован Христианско-демократический союз Ленинграда.

7 ноября. Колонна демократических сил (30 000 человек) прошла от Пионерской площади до Дворцовой.

21 ноября. Пленум Ленинградского горкома и обкома КПСС. Б. Гидаспов выступил против «левых радикалов из ЛНФ».

Декабрь. Художник Тимур Новиков основал Новую академию изящных искусств.

На Пушкинской, 10, начинает формироваться Товарищество независимых художников, музыкантов, актеров.

Введение

Согласно официальной идеологии советский социалистический строй являлся самым передовым и самым демократическим в мире. Его цель: проложить путь в светлое будущее человечества – коммунизм. Отсюда следовало: только контрреволюционные элементы, враги трудящихся и люди, потерявшие здравый рассудок, берутся оспаривать эту доктрину; назовем ее Утопия-1¹.

Активная часть граждан страны возвращение к ленинским нормам, объявленное на XX съезде КПСС в 1956 году, понимала иначе: необходимость демократизации страны и обуздания бюрократического произвола. Они верили, что именно при народовластии раскроются политические, экономические и культурные потенции социализма; эту веру назовем Утопия-2.

В этом различном понимании послесталинского будущего страны были заложены основы двух не уживающихся друг с другом утопий².

¹ В журнале «Печать и революция» (1923, № 3) Н. Бухарин по-большевистски определенно выразил ее задачу: «Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике... Если мы хотим поставить себе задачу идти к коммунизму, мы должны этой задачей пропитать все решительно».

² В ленинградском литературном мире публика различала паладинов Утопии-1 – Выходцева, Кондрашова, Ходзу и идеологов Утопии-2 – Д. Дара, Г. Семенова.

В Ленинградский областной комитет КПСС

от несоюзной творческой интеллигенции Ленинграда

В связи с Постановлением ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» предлагаем осуществить некоторые мероприятия, которые подготовят условия для нормального течения культурных процессов. К таким мероприятиям мы относим следующие:

– организацию при Ленинградском отделении Союза советских писателей и Союза советских художников Советов по работе с творческой молодежью.

В состав этих Советов должны войти как представители творческих организаций, так и представители несоюзной молодежи. Предложить редколлегиям журналов, издательств, выставкам и художественным советам расширить свои составы за счет представителей Советов с тем, чтобы более полно представить творчество нового поколения советской творческой интеллигенции;

– создание общественной редколлегии, подготавливающей к печати выпуски (типа квартального альманаха), которые будут знакомить читателей с духовными проблемами современного человека и поисками новых форм их художественного выражения;

– выпуски (условное название «Горизонт») могут издаваться на финансовой и технической базе журнала «Аврора», или «Звезда», или какого-либо издательства в качестве литературного, критического, иллюстративного приложения. Эти издания должны

существовать в рамках культурно-литературной критики, а не административного давления. Идея такого экспериментального издания в общих чертах обсуждалась на встрече несоюзной творческой интеллигенции с редактором журнала «Аврора» т. Торопыгиным в конце прошлого года;

– возобновление устных выступлений молодых поэтов и прозаиков в Доме Союза писателей, в Домах культуры на предприятиях, по радио и телевидению.

Бюро пропаганды Ленинградского отделения ССП в соответствии с Постановлением ЦК КПСС необходимо значительно расширить списки поэтов, прозаиков, искусствоведов, которых бюро привлекает для устных выступлений перед трудящимися города и области.

Прием в профсоюзную организацию ЛО ССП необходимо расширить. Условием для приема должны быть две-три рекомендации членов Союза писателей без каких-либо других ограничений.

Мы считаем, что представители несоюзной творческой интеллигенции должны иметь возможность в любой момент обсудить злободневные вопросы и взаимные претензии с конкретными представителями ленинградской партийной и советской организации. По нашему мнению, это создаст необходимые условия для конкретной совместной работы.

На наш взгляд, реализация этих мероприятий позволит сделать первые шаги по нормализации культурного процесса и тем самым значительно расширить идейный, содержательный горизонт

культуры советского народа, сделать ее более мощным инструментом духовного и социального прогресса.

27 октября 1976 года

Но возникшие самиздатские журналы стали брать на себя функцию представительства – литературной группы или явлений, притягивающих к себе людей и другие интересы. Факт существования такого самовольного издания сам по себе привязывал интересы тех, кого тяготил режим Страны Советов. Меня, издателя и редактора «Часов», интересовали все проявления творческого выхода за проволоку казенной идеологии. Уже в первых номерах «Часов», помимо поэзии и прозы, были опубликованы критика, философия, статьи об изобразительном искусстве, сама ситуация просила нового названия – не неофициальное, а «независимое культурное движение».

В условиях тоталитарного государства возникла нужда в представительствах, которые предложили бы культурному движению такие формы организованной деятельности, которые возьмут на себя общие для культурной среды заботы. Для литераторов это прежде всего проблемы издания, публичных выступлений и общения и, конечно, защиты от политических преследований. Во второй половине 1970-х годов известная мне среда независимых литераторов уже вышла из юношеского возраста. Ее развитие, взросление, формирование, как правило, состояло из «поиска себя» в широком поле образцов мировой культуры, отвечающих инди-

видуальным творческим запросам. Неофициальный литератор защищал свою автономность от посягательств власти, начальства, семьи и ревниво относился ко всему, что, как ему казалось, посягает на его свободу. Между крайним индивидуализмом в художественной среде и необходимостью объединения этой среды в общих интересах, очевидно, было противоречие. Если добавить к этому страх перед КГБ, рассматривающего официально несанкционированные организации если не как антисоветские, то, в любом случае, как подлежащие немедленному прекращению, то понятно, почему до середины 1970-х годов культурное движение было стихийным. При взгляде сверху оно представляло собой конгломерат домашних кружков, групп, открытых «домов», где можно было пообщаться.

В редакционном заявлении журнала «Часы» (№ 28) я писал:

Накануне 1981 года попытаемся обозначить некоторые новые моменты в культурном движении, которые сегодня если еще не всегда встречают признание, но близки к тому, чтобы стать очевидными. Все настойчивее в культурной среде оспаривается разделение культуры на официальную и неофициальную. «Культура – одна» – таково сегодня убеждение многих литераторов, художников, философов, по их мнению, следует устранить последствия этого деления, исторически возникшего, но ныне мешающего более широкому взгляду на

действительность, сущность культуры и творчества.

Культура – одна, ибо критерии достижения в культуре не зависят от устройства социума и положения в нем автора. Но, очевидно, оппозиция *конформизм-нонконформизм* в последнее время ослабела... Что способствовало этой перемене? Во-первых, к нонконформизму привыкли, привыкли как к объективности, как к культурно-общественному явлению. Выставки независимых художников стали частью культурной жизни столиц. Во-вторых, неофициальные издания вошли в круг чтения многих людей.

Если прежде участники культурного движения для того, чтобы обратить на себя внимание, прибегали к публичным акциям, то теперь оценка личности, как никогда, связана с оценкой их творчества.

1980 год

Уже несколько месяцев мы с Борисом Останиным думали о том, как быть с конференцией культурного движения. Две мы провели в 1979-м³, вторая оказалась особенно представительной и удачной⁴.

Докладчиками на конференции были участники *культурного движения*, которое стало в их докладах предметом анализа и прогнозов. Движение вышло из пеленок молодежных кружков 1950–1960-х годов и перестало быть творчеством одиночек. Оно имело свою историю, оставившую след в поэзии и прозе, своих гениев и свое мировоззрение, потери на пути к личной независимости и свободе творчества и опыт коллективного сопротивления.

Искусствовед и переводчик Виктор Антонов выступил на 2-й конференции с докладом «Неофициальное искусство: развитие, состояние, перспективы». В докладе получила характеристику неофициальная художественная жизнь Петербурга и Москвы – социальное положение художников, их эстетическая ориентация, быт, настроения. «Они недовольны и не согласны... настаивают на разрешении свободно показывать и реализовать свои работы, обсуждать художествен-

³ «Часы». № 20, 21.

⁴ См.: Долинин В., Иванов Б., Останин Б., Северюхин Д. Самиздат Ленинграда. М., 2003. С. 504; «Часы». № 22–24.

ные проблемы, объединяться в творческие группы, получать мастерские и некоторые государственные льготы. Как видим, преобладают сугубо художественные и уравнилельные притязания». Антонов говорил об аполитичности художников. Моральные ориентиры – эскапизм, эмиграция. Он считает, что «первый и решающий шаг в превращении неофициального искусства в контролируемое» уже сделан, имея в виду, очевидно, разрешение на организацию выставок в государственных залах при соблюдении трех табу: «политика, религия, порнография». Предсказывал сближение государственного и независимого искусства. Утопия-1, считает В. Антонов, начинает сбываться.

Не менее обобщающим было выступление поэта Виктора Кривулина. Независимые литераторы, как и художники, выработали свой собственный язык за пределами государственного искусства. Поэт говорил: «Предсмертное пророчество Анны Ахматовой о новом расцвете русской поэзии оправдывается». И оспорил смысл выражения «вторая культура» по отношению к «неофициальной», которая является «достраивающей... обнаруживаемый через язык мир». «Читатель новой литературы не воспринимает текст стихотворения и его автора раздельно, – произошло образование *человеко-текста*». Иначе говоря, за каждым ее произведением стоит поступок человека, берущего ответственность за свою позицию, воспринимаемую литературным начальством как враждебную. Рост самосознания, плюрализм

эстетических платформ, способность к коллективным действиям (Кривулин подробно изложил историю поэтического сборника «Лепта») – так он обрисовал значимость неофициальной культуры.

Оба докладчика называли десятки имен художников и литераторов Петербурга и Москвы – фаворитов движения. Учреждение «часовщиками» Премии Андрея Белого свидетельствовало о том, что в неофициальной культуре возросла значимость таланта и профессиональных достижений.

Выступление Б. Останина «Журнал „Часы“ и его авторы» подтверждало расширение фронта движения. Материалы журнал получал, среди прочего, от участников Религиозно-философского семинара, который работал уже шесть лет, от участников домашнего семинара на квартире Сергея Маслова, объединявшего видных правозащитников Револьта Пименова, Эрнста Орловского, Льва Копелева, оппозиционно настроенных математиков, физиков, с 1979 года выпускавших машинописный журнал «Сумма», от Ефима Барбана – редактора журнала джазового клуба «Квадрат». К этому времени вышло 20 номеров «Часов», число авторов превысило сотню. Публикации разнесены по разделам «проза», «поэзия», «драматургия», «критика», «изобразительное искусство», «философия», «переводы», «публикации», «хроника», – из подполья на свет стала выходить молодая, полнокровная, саморазвивающаяся гуманитарная культура.

Названия других докладов говорили сами за себя: Борис

Гройс «Зачем нужен художник?», Иосиф Бакштейн «*Вторая культура* глазами социолога», Галина Григорьева «Первые уроки нынешнего феминизма», Борис Иванов «Историческая параллель: *нонконформист современного культурного движения и лишний человек в русской литературе*». Общее *лишнего человека* XIX века с нонконформистом – их конфликт с обществом. Аналогия обнаруживается в области культуры – *лишний человек* также преодолевал табу, наложенные на сферу творчества и гласности. Конфликт разворачивается между традиционной культурой, поддерживаемой государством и академическими институтами и получившей название официальной, и новыми культурными течениями – *неофициальными, неподцензурными, независимыми, оппозиционными* и др.⁵

В докладе говорилось, что новое творчество воспринимается традиционалистами как покушение на «святая святых», профанация, издевательство, оно объясняется «порочностью его создателей, или патологией, или предательством – или всем этим вместе взятым. Новые культурные движения также не скупятся на филиппики и рассматривают старую

⁵ В докладе я обратил внимание на то, что все «лишние люди» русской литературы не «служат» – знаменитая реплика Чацкого: «Служить бы рад, прислуживаться тошно», самостоятельно мыслят – Онегин и Рудин, пишущий «статьи». Даже Обломов занимался одно время переводами работ, полезных для ведения сельского хозяйства. Нонконформистов и «лишних людей», пытающихся на свой страх и риск решать духовные, культурные и социальные проблемы, ждала социальная отверженность, политические преследования, ссылки, эмиграция. (Из петербургских художников за границу выехало около тридцати процентов.)

культуру как извращающую суть самого творчества». Приближаясь к складывающейся ситуации в стране, я говорил: «не всегда должна победить одна из сторон», «новых не расстреливают у кирпичной стены, им оставляют чердаки и са-лоны отверженных. Им не запрещают надеяться. Ревнителей старого не судят трибуналы. Им оставляют право на гордость и веру в собственную правоту».

Культура переходила в новую стадию развития, с новыми принципами интеграции с уже пройденными этапами. Я предсказывал реализацию Утопии-2, которая утрачивала признаки утопии вместе с нарастающим кризисом «развитого социализма». В рамках конференции была вручена независимая Премия Андрея Белого прозаику Борису Кудрякову, поэту Елене Шварц, по номинации критика – Евгению Шифферсу.

Конференции готовились и проводились конспиративно, но читатели журнала «Часы» получали полные отчеты о выступлениях – материалы первой публиковались в № 20, 21, второй – в № 21, 23, 24. Информация о конференции через вторые-третьи руки просочилась в эмигрантский журнал «Посев»⁶.

⁶ Из публикации в «Посеве» мы с Останиным узнали, что ее организовали... В. Кривулин и Т. Горичева. На Западе, не зная организаторов акций, нередко привязывали их к известным именам. Так, из книги Л. Алексеевой «История инакомыслия в СССР» (Вильнюс–Москва, 1992) я узнал, что редакторами «Часов» являются В. Долинин и Ю. Вознесенская (!). Подобных неточностей трудно было избежать.

Конференции были восприняты властями как беспримерная наглость – мы присвоили себе права парторганов высшего ранга – свободно обсуждали философские и культурные проблемы страны и бесконтрольно предавали материалы конференции гласности. Вместе с тем культурное движение определяло себя не как воинствующую оппозицию, а как *автономное культурное направление*. Травматический опыт нашей страны был таков, что аномальный стала сама мысль... о революции. Призывать сограждан к разрушению и разорению государства, перевернуть все с ног на голову, а самых озлобленных, невежественных, отличившихся в этом погроме поставить во главе всего и вся?!!

Успех подпольных конференций лишний раз показал, что у КГБ в нашей среде нет надежных источников информации, что было обусловлено биографиями ее участников. Чтобы в ней оказаться, человеку нужно было пережить разочарование в советской действительности и начать сторониться того, что ставило от нее в зависимость. Не только сторониться, но и найти тех, кто ощущал себя таким же *лишним* человеком, найти – и поделиться с ними своими мыслями и переживаниями, для чего требовалась определенная смелость. И через них узнать, что новые «лишние» уже сумели создать *свою* литературу, *свое* изобразительное искусство, убеждены в возможности других философских убеждений и религиозных истин, не одобряемых властью. Эта среда освоила способы социального выживания и правила политической гиги-

ены. И даже если ты сам не взялся за перо или кисть, ты уже начал осваивать язык новой среды, знаешь ее фаворитов и жертвы, разделяешь ее нравы и традиции. Что может предложить гэбист человеку, который по своей воле, по органике своего развития прошел этот путь, на каждом шагу встречая соблазны остаться таким, как все!..

1980 год – год Олимпийских игр – не обещал быть спокойным. Надзирательные органы вели чистку нежелательных элементов, особенно масштабную в Москве и Ленинграде. Диссидентов либо арестовывали, либо под угрозой ареста выдавливали в эмиграцию, либо серьезно предупреждали, проводили обыски. В. Кривулин сказал, что журнал «37» переждет это время, но подобная осторожность не помешала властям выслать из СССР прежде всего тех, кто был ориентирован на Запад. В первой половине 1980 года страну покинули Ю. Вознесенская, Т. Горичева, Н. Малаховская, Т. Мамонова, Л. Рудкевич, позднее была арестована активистка женского движения Н. Лазарева.

Я считал, что «Часы» должны «ходить» при любой политической погоде.

Время шло. Пора было определиться, когда и где пройдет очередная конференция. Мы с Останиным знали, что некоторые ленинградцы и москвичи уже подготовили доклады, но было ясно: КГБ сделает все, чтобы не допустить наше «сборище». А «накрыть» нас было просто, поскольку мы с Останиным всегда на виду. Обозначить место проведения –

значит попасть в ловушку. В 1979 году о месте конференции за день до ее начала знали лишь пять человек, и каждому было известно, кого, в том числе Кривулина и Горичеву, он должен завтра привести по такому-то адресу. Ко всему прочему, было неясно, кто из владельцев большой отдельной квартиры рискнет ее нам предоставить. А. Алонсо, хозяйка квартиры на Малой Монетной, уже получила предупреждение, что расстанется с ней, если еще раз использует «не по назначению». О возможности таких последствий мы обязаны были хозяевам сообщить.

Как только на свет появилось независимое искусство, открылась жуткая правда – ни у личности, ни у общества нет собственного места: страна оккупирована – все, чем человек пользуется, ему не принадлежит, он – жалкий арендатор, со всех сторон ограниченный властью. Можно было собирать участников за городом, на поляне – так проводили свои встречи баптисты и барды-песенники, – но и там, мы знали, участников разгоняют и ловят, перехватывают в вагонах электричек. Художники организовывали выставки если не на квартирах, то на пляжах, на улице... Перспективы культурного движения были намертво связаны с борьбой за «право на пространство существования». «Московская бульдозерная выставка» была замечательна как раз тем, что показала: культурное движение способно завоевывать плацдармы. Но если наша цель не маскироваться, а выйти на «солнечную сторону улицы», то не начать ли нам поис-

ки культпросветучреждения – заводского клуба, Дома культуры или библиотеки, которое можно заинтересовать предложением организовать в нем работу – что-то вроде литературного кружка или клуба, с условием самостоятельного руководства?

Я предполагал, что такой клуб может функционировать в границах той «зоны свободы», которую отвоевали у режима самиздат и независимые художники. Одним словом, нужно ввязаться в сражение, а «там будет видно»⁷. Эту тему мы обсудили с И. Адамацким и Ю. Новиковым.

Наши поиски начались среди знакомых, работавших в учреждениях такого рода, и посещения их администраций. Разумеется, никакой служащий просветительского фронта не стал бы с нами разговаривать, если бы был осведомлен, что мы – «неофициалы», занимаемся самиздатом, более того, посчитал бы своей обязанностью «сообщить куда надо». В ДК хлебопекарной промышленности со мной разговаривать не стали, им нужен был человек с книжкой Союза писателей. В другом ДК на Обводном канале, где на всех этажах стояла мертвая тишина, а двери помещений были закрыты, я услышал человеческую речь. Открыл дверь и увидел настолько перепуганных женщин, что они не могли понять, о чем я, собственно, их спрашиваю...

⁷ Цитирую главу «Узкая дорога к демократии» из своей книги «Часы культуры (По ту сторону официальности)» (Борис Иванов. Сочинения. Т. 2. С. 473. М., 2009).

Между тем прошел слух, что в Москве начались переговоры с властью о создании клуба для группы независимых литераторов. Борис Останин специально выезжал в столицу, но ничего определенного не узнал: переговоры действительно имели место, однако затянулись, и группа перестала доверять переговорщику.

И вдруг слово «клуб» прозвучало совсем рядом. Виктор Кривулин рассказал, что сотрудник КГБ подкараулил его в кофейне на Садовой, куда он зашел в обеденный перерыв, и заставил подписать предупреждение: выпуск журнала «Северная почта» должен быть немедленно прекращен⁸. Взамен гэбист предложил компенсацию: разрешение создать клуб поэтов, в котором Кривулин мог бы играть главную роль. ЛО ССП получит соответствующее указание. Кривулин от «компенсации» отказался. На мой вопрос: почему? – ответил так: «А зачем мне это нужно? Возможно, мне придется скоро эмигрировать».

Тогда я предложил поступить следующим образом: он является в секретариат ЛО ССП с нами, «часовщиками», и заявляет, что лично он иметь дело с клубом не будет, но есть литераторы, которые в его создании заинтересованы, и укажет на нас. В итоге договорились, что я составлю разработку идеи клуба и приведу на Пионерскую, где Кривулин тогда жил, тех, кто войдет в делегацию для переговоров в СП. Со-

⁸ После прекращения выпуска журнала «37» В. Кривулин вместе с С. Дедюлиным выпускали журнал поэзии «Северная почта».

ставил проект творческого объединения, предвосхитивший устав будущего Клуба-81, и с друзьями пришел на Пионерскую. Там выяснилось, что Кривулин клубом заниматься по-прежнему не хочет и не желает, чтобы им занимался кто-то другой. При этом он хотел, чтобы текст проекта остался у него как охранный грамота – при угрожающей ситуации он его предъявит. Все это было несерьезно.

1981 год

Организационные проблемы конференции так и не были решены, и идея клуба повисла в воздухе. Было очевидно, что власти сделают все, чтобы не допустить конференции. Между тем кое-какая подготовка стихийно протекала и без нас – поступили предложения о нескольких докладах. Нужно было придумать новый конспиративный ход, который не позволил бы властям сорвать конференцию, однако идеи на этот счет так и не появились.

В эти проблемы мы с Останиным не посвящали даже коллег по журналу. Тем более нельзя было вести речи о конференции на квартире Кривулина – несдержанность ее хозяина на язык, давнишнее подозрение, что его жилье прослушивается, я принимал за непреложный факт. Узнав, что мой товарищ разговаривал с Кривулиным на эту тему, я понял: нас ждут неприятности.

Через два-три дня к Останину пришли два сотрудника и, не застав его дома, оставили повестку с вызовом в районный отдел КГБ. Часа два мы ходили взад-вперед по Невскому и обсуждали, как вести себя Останину на встрече. Решили, что следует прямо заявить о мотивах и целях нашего поведения. Идейные послышки всегда играли в моей жизни важную роль и вполне подходили для моего товарища, хотя и по другой причине: эмоциональной непосредственности. По существу

нужно было сказать: если в судьбе независимых художников появился просвет и они получили право на проведение выставок, то у литераторов никаких прав на контакты с читателями нет, и они теми или иными способами будут искать выход из своего нестерпимого положения. Стоит упомянуть о литературном клубе, который мог бы создать перспективу для легализации общения неофициальных литераторов.

Как и ожидалось, гэбист повел разговор о конференции. Предупреждение было сделано резкое: «Мы долго терпели феминисток, но они не вняли нашим увещаниям, и мы решительно с ними покончили. Не будем терпеть и вас»⁹. Прозвучала фраза, которая давала понять, в чем чекисты видят главную проблему: «неофициальная культура – это хаос». (То ли дело союзы писателей, художников, композиторов, которые следовали руководящим указаниям власти!) В ответ Останин рассказал о ненормальном положении целых поколений ленинградских писателей, сказал и о клубе и получил заверение, что эта часть беседы будет доведена до руководства.

Ситуация сложилась занятная. КГБ раздражала хаотич-

⁹ Под феминистками имелась в виду группа, выпустившая альманах «Женщина и Россия». В нее входили Т. Мамонова, Н. Малаховская, Т. Горичева, Ю. Вознесенская, – все они были поставлены перед альтернативой либо предстать перед судом «за клеветнические измышления, порочащие общественный и государственный строй», либо в кратчайший срок выехать за пределы страны. См. «Самиздат Ленинграда», статьи об альманахе «Женщина и Россия» и журнале «Мария».

ность, бесформенность неофициальной культуры. А чем же занимались мы – «часовщики», организовав периодический самиздат, конференции, учредив Премию Андрея Белого, изыскивая возможность создать независимый литературный клуб, как не тем, чтобы придать культурному движению структурность, как не установить открытые отношения с читательской аудиторией! (Через год после создания клуба я услышу упрек в том, что мы занимаемся созданием «параллельной структуры», то есть хотим противопоставить советским учреждениям свои, им враждебные и неуправляемые. Ошибку венгерских и польских властей в борьбе с демократическими движениями идеологи КПСС усмотрели в том, что те допустили образование и существование «параллельных структур».)

Поставим вопрос прямо: спокойна ли была у нас совесть, подкидывая идею клуба ГБ и, таким образом, полагаясь на содействие этого учреждения нашим планам? Приходилось слышать: «Русские интеллигенты *никогда* не обращались к жандармам, никогда не вступали с тайной полицией в контакт!»

Высокопарная неправда! В архивах царской жандармерии груды писем от этой самой интеллигенции, немало их и в архивах ЧК–ГПУ–КГБ. Преодолевая свой страх и неприязнь, люди устно и письменно выступали в защиту жертв авторитарных режимов, требуя для общества демократических прав, а для жертв – гуманного отношения. Немало таких

защитников было чекистами уничтожено, сотни «подписантов», выступивших в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, И. Бродского, А. Солженицына, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова и других, подверглись преследованиям¹⁰.

Итак, и КГБ, и «неофициалы» хотели видеть культурное движение *организованным* и при этом использовать организационное оформление движения с прямо противоположными, чем у нас, целями.

«Часовщики» уже выступали в роли общественных представителей движения, выпуская журнал «Часы», организуя конференции, и были готовы представлять и защищать интересы неофициалов перед любой инстанцией, прежде всего перед КГБ – наиболее жестоким учреждением, которому партийное руководство вменило в обязанность нейтрализацию культурного движения.

Заблуждались ли мы относительно тех целей, которые власти будут преследовать, если пойдут навстречу нашим планам? Нет. Мы не были новичками культурной оппозиции. Игорь Адамацкий дважды проходил по делу Револьта Пименова в 1956 и 1970 годах, был исключен из аспирантуры Пушкинского дома. Юрий Новиков, еще юношей, за попытку перехода государственной границы отбыл срок, в 1970-е годы был уволен из научного отдела Русского му-

¹⁰ За составление письма в защиту арестованных А. Гинзбурга, Ю. Галанскова и других меня в 1968 г. исключили из партии, уволили с работы и, разумеется, лишили возможности заниматься журналистикой и публиковаться как писателю. (Письмо, кроме меня, было подписано Я. Гординым, И. Муравьевой, М. Данини.)

зая за выступление в поддержку художников-неофициалов в клубе «Эврика». С культурным движением я был связан уже около пятнадцати лет¹¹.

«Часовщики» подошли в это время к главной проблеме независимой литературы – к обретению статуса легитимной институции: в случае удачи клуб мог стать первой организацией, подобных которой в стране не было более полувека. Ситуация стала напоминать движение двух армий, которые маневрируют согласно получаемой от разведок информации, своей цели еще не добились, но готовы для генеральной битвы, рассчитывая выйти из нее победителем. Однако, помимо решимости сторон, необходимо их согласие на то поле, где произойдет сражение. Обе стороны сошлись на том, что таким полем должен стать некий КЛУБ.

Время шло. «Часы» ходили. Я работал в котельной, посещал Публичку: уже несколько лет меня привлекали события европейской Реформации – история освобождения национального развития от оков Церкви и абсолютизма¹². Я находил совпадения моральных мотивов в действиях протестантов, дореволюционной русской интеллигенции и советских диссидентов. Каждый преданно служил: Лютер – Католической церкви, декабристы – царю, А. Солженицын и

¹¹ О своем участии в независимом культурном движении я рассказал в книге «Часы культуры (По ту сторону официальности)», см. примеч. 7.

¹² Позднее в переписке с официальными учреждениями я стал называть советскую литературу «традиционной», этим объясняя ее невосприимчивость к новому, иному.

А. Сахаров – господствующей власти, с ее следованием учению марксизма-ленинизма, а потом обнаруживали, что те, кто должен был представлять сакральную сущность пропо-ведываемых моральных истин, оказывались воплощением греха, не «отцами» своему народу, а его бездушными правите-лями, вместе с теми всеильными институтами, которые они возглавляли.

Реформатор выступает как живой носитель «катехизи-са» и сокрушитель извратившихся институтов. Достоевский, Толстой, Солженицын, Сахаров и многие их сторонники были такими же «катехизисными» личностями, как Лютер, Кальвин, Кромвель, Савонарола... Я сопоставил западноев-ропейскую Реформацию с состоянием нашей страны и при-шел к убеждению: по многим признакам страна вступала в стадию *реформации*.

«Северная почта» и «37»

Ультиматум властей о немедленном прекращении выпус-ка журнала «Северная почта» добивал один из самых дея-тельных идейных и духовных центров культурного движения Петербурга, группировавшийся вокруг журнала «37». В его истории отразились внутренние противоречия движения.

Если поначалу издание олицетворяло единство христи-анского религиозного самоопределения и культурных поис-ков нового поколения и готово было участвовать в объеди-

нении всех сил, участвующих в культурной реформации¹³, то вскоре раскол произошел в самой редколлегии «37» по линии «православное воцерковление – литература и искусство». Произошло тематическое разделение номеров, а значимость своего существования издатели связали с признанием журнала на Западе со всеми вытекающими последствиями: детективными эпизодами отправки текстов за границу, ожесточенным давлением КГБ, отпугивавшим одних авторов и привлекавшим других, прежде всего тех, кто собирался эмигрировать.

Эмиграция – вынужденная и по собственному решению – Т. Горичевой, Н. Шарымовой, Л. Рудкевича, Б. Гройса, С. Дедюлина (он был редактором и издателем журнала «Северная почта»), уход по идейным мотивам из редколлегии В. Антонова и Е. Пазухина – опустили занавес над сценой, где пять лет блистали яркие, талантливые представители питерской независимой культуры. «К тому времени, когда началось явное кагэбистское преследование журнала, многие его читатели, к сожалению, оказались на Западе. Эта ситуация гораздо более страшная, нежели угрозы органов. Уехали и основные наши авторы. „37“ вынужден был закрыться, потому что изменилась культурно-общественная ситуация», –

¹³ Это должно было состояться при объединении двух самиздатских «толстых журналов» «37» и «Часы». Последний видел свою задачу, при опасности и трудности организации машинописного издания, представлять интересы самых различных идейных и художественных направлений и групп. «37», как кружковой журнал, был готов к объединению лишь на своих условиях.

такой итог подвел В. Кривулин¹⁴.

В какой-то работе Ленина я прочел, что миллионные повторения явлений обучали человечество познавать мир. Вождь принимал наших предков за идиотов – кошку достаточно пару раз ткнуть носом в место, где она нагадила, и она начнет проситься на улицу. По моей «теории», двухразовое повторение нового явления – *тенденция*, трехразовое – *закономерность*. В том, что в Москве и Петербурге власть заговорила о клубах, бесспорно, прорезывалась тенденция: заманить на свою территорию неофициалов и обложить их оброком послушания – по-народному: «обломать рога»... Цель и условия сделки Кривулину были объявлены, плату за еще не созданный клуб уже взяли натурой – журналом «Северная почта».

И вдруг успех! Игорь Адамацкий (он преподавал русский язык и литературу в школе рабочей молодежи) обратился с предложением создать литературный клуб при библиотеке Дома учителя, и оно было принято с условием представить справку от Комиссии по работе с молодыми авторами при ЛО ССП. В справке должно быть указано, что комиссия доверяет И. Адамацкому руководство литературным кружком. И справку он получил. Казалось бы, можно трогаться в путь, но мы жили в стране развитого тоталитаризма: Ада-

¹⁴ В. Кривулин. «37», «Северная почта» // САМИЗДАТ (по материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–1980 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.) СПб., 1993. С. 79, 80.

мацкому было предложено явиться с другими инициаторами кружка-клуба в кабинет директора Дома учителя... «для досмотра». Вероятно, в стране, где с энтузиазмом граждан давно уже покончено, мы и впрямь выглядели подозрительно. Оглядев Адамацкого, Новикова и меня бесцеремонным взглядом, директриса потребовала, чтобы мы предоставили свои полные ФИО, телефоны и адреса... Мы вышли из особняка Юсуповых с тревогой за успех нашего дела. А через два дня в моей квартире зазвонил телефон:

– Борис Иванович, с вами говорит сотрудник Комитета госбезопасности Соловьев. Хотелось бы обсудить интересующую вас тему.

Нетрудно было догадаться, какую тему со мной собираются обсуждать, но разведку все же предпринял:

– Откуда вы знаете, какая тема меня интересует? – Это не телефонный разговор, – уклонился Соловьев.

– Предлагаю встретиться.

Я не сомневался в том, что Соловьев, как в случае с Кризулиным (именно он летом сделал поэту предупреждение), потребует от меня прекратить выпуск «Часов» и, как компенсацию, разрешит создать литературный клуб под крышей официального надзора. Но как пять лет назад, когда я только затевал «Часы», журнал превосходил по своей ценности меня как личность. Я – всего лишь его «привратник», и это не метафора: «Часы» были призваны открыть свои страницы для многих талантливых людей, жаждущих контакта с чита-

телями. «Часы» вместе с тем отмеряли и должны отмерять НАШЕ ВРЕМЯ, которое *уже наступило*. Главные его инструменты – культурный уровень, реализм, свободная личность.

Коммунистические мифы были обязаны своим существованием исключительно дезинформации, дезинтеграции граждан и атмосфере страха. Но эти три опоры режима на моих глазах хирели – приближалась пора больших перемен. Я написал цикл статей «Реализм и личность» (их публикация началась в «Часах» летом 1981 года)¹⁵ и статью «Три стадии в развитии культурных формаций». Это не были академические монографии. Интеллигенция работает в другом жанре. Ее исторические задачи: прояснять причины общественных болезней до получения ясного, реалистического диагноза – ответа на вопрос «что делать?». Что же значу я там, где непримиримо столкнутся силы консерватизма и жажда перемен! Ничего, если не считать своего скромного долга не забывать «заводить „Часы“».

Я не подчинюсь требованию закрыть журнал. ГБ, разумеется, не потерпит подобного вызова. Похоже, идея клуба лишь приблизила перспективу моей посадки. Мы обсудили этот вариант с Останиным. Останин был готов без меня продолжить издание журнала, даже придумал ему новое название – «Куранты». Перед глазами был пример «Хроники текущих событий»: выпускающих ее отправляли за проволоку,

¹⁵ «Часы». № 32, 33, 35, 36, 38.

но им на смену приходили другие.

Встреча состоялась в здании Куйбышевского райкома КПСС, где тринадцать лет назад я положил на стол партбилет. Но теперь я жил в стране, меняющейся изнутри. Приметы нового времени я видел уже в том, что вхожу в этот дом не как одиночка-протестант, а как человек, собирающийся говорить от лица целого движения. Времена менялись, но СССР как был, так и остался во «главе всего передового человечества», и во имя этой миссии в Восточной Европе стояли танковые армады, шла война в Афганистане, в Мордовии функционировали лагеря для политзаключенных, в город Горький сослали академика А. Сахарова, а капитан КГБ В. Соловьев должен был внести свой вклад в эту всемирно-историческую миссию.

В конце лестницы глухая дверь. Глазок – выходит охранник, похожий на бывшего телохранителя. Широкий коридор, по нему навстречу спешит мужчина, который, судя по виду, мог преподавать и научный коммунизм, и приемы самбо. В коридор с обеих сторон выходят двери. Их много. За дверями небольшие комнатки, как видно, для конфиденциальных бесед. Создалось впечатление, что я нахожусь на территории администрации торопливо работающего предприятия.

Соловьев почти без паузы:

– Перед нами поставлена задача покончить с самиздатом и тамиздатом...

Замечательное начало разговора на «интересующую меня тему»! Замечательная перспектива увлекла умы чекистов! Я оборвал подготовленную речь офицера о «мерзких происках тамиздата»:

– Тамиздат меня не интересует...

– Ой ли?..

– Кто-то где-то что-то издает – это не по моей части. Меня интересует, что происходит *здесь*, что можно увидеть своими глазами и потрогать своими руками. Так вот, что касается самиздата, скажу откровенно, вы ставите перед собой утопическую задачу.

– Как так! Что в ней утопического?!!

– Все! Вы не можете людям запретить брать бумагу и писать то, что им заблагорассудится. Не можете препятствовать дать написанное жене, приятелю, знакомому... Вот вам и самиздат. Мы с вами, Владимир Петрович, сейчас на тему самиздата спорим, а в это время – не сомневайтесь на этот счет! – люди сочиняют прозу, стихи, не испрашивая ни у кого разрешения. Соберут написанное под одним переплетом – вот вам и самиздатский журнал!

– А какой вы видите выход?

Этот вопрос мне понравился – разговор приобретал деловой характер – и развеселил: я чуть ли не половину жизни потратил на то, чтобы найти выход из положения, которое создала в Стране Советов власть.

– Выход несложный: начать публикацию произведений,

которым сейчас нет другого места, кроме как в самиздате и тамиздате. Ничего страшного, поверьте, не произойдет. Выставки неофициальных художников проходят – и ничего: нормальные культурные события. А как боялись! Сколько милиции собрали к ДК Газа и «Невский» на первые выставки!

– Мы не боялись. Это милиция перестраховывалась. Значит, вы не отрицаете наличие позитивных перемен?

– Не отрицаю. Если бы я не видел перемен, если бы не верил, что либерализация в стране возможна, я не был бы здесь. Только не говорите о том, что у нас есть свобода слова и свобода печати, иначе я скажу – вы лжете. Если я скажу, что свободы у нас нет, вы скажете, что я клевету на наш «общественно-политический строй», и подберете статью Уголовного кодекса. Давайте говорить так: в стране существует некоторая степень свободы. И мы, неофициалы, присвоили себе бóльшую степень, чем остальные. Если вы относитесь к этому факту как к положительному явлению, у нас для разговора есть общая тема, если нет – не будем зря тратить время.

На протяжении всего разговора я не давал Владимиру Петровичу и щелки, чтобы вставить идейку насчет ампутации «Часов». После прямо заявленной позиции мой собеседник перестал прибегать к риторике, начался, что называется, обмен мнениями. К своему удивлению, я обнаружил, что мой собеседник – приверженец демократии. Это был ли-

бо его дипломатический финт, либо в головах сотрудников КГБ царил сумбур. В самом деле, как можно совмещать преследование сам- и тамиздата с демократическими симпатиями? Нельзя исключить и другое объяснение: мой собеседник имел о демократии весьма специфические представления. Так или иначе, я попробовал расширить поле согласия.

– Ведь была при Хрущеве «оттепель»! Сколько молодых талантливых писателей тогда успели войти в литературу, сколько замечательных вещей было опубликовано!

– Что говорить о Хрущеве? Он наделал много ошибок.

– Вы имеете в виду «Закрытое письмо к съезду»? Но «Архипелаг Гулаг» все равно был бы написан.

– Только не называйте Солженицына! Откуда он взял сорок миллионов? (Соловьев имел в виду число жертв репрессий, приведенное Солженицыным в «Архипелаге».)

– Опубликуйте реальные цифры.

– Мы не считаем, что это нужно делать.

– Напрасно. Правда священна!

– По этому вопросу мы с вами расходимся.

Я сказал, что смягчить остроту конфликта между неофициальной литературой и официальной мог бы клуб, который предоставил бы возможность людям собираться, читать и обсуждать свои произведения.

– Вы готовы изложить свои предложения письменно и передать мне?

– Разумеется. Но, Владимир Петрович, имейте в виду, на

следующей встрече вы будете говорить с другими людьми.

– Это почему же?

– Мы ведь с вами обсуждаем не мои личные проблемы, а проблемы большого культурного и общественного значения. В их решении заинтересованы многие люди. Да и вам, думаю, полезно познакомиться с некоторыми из них. Вы не откажетесь от встречи, если придут, скажем, пять человек?..

Сделаю отступление. Я не забыл неудачу переговоров в Москве. Там от группы литераторов выступал один человек. Но приватность переговоров индивида с гэбистами чревата осложнениями, даже если человек, выступающий в защиту общественных интересов, вел себя достойно. А кто, собственно, мог подтвердить, что он вел себя именно так, а не иначе? Что могло освободить его от унижительных подозрений? И тот, кто взял на себя инициативу и риск отстаивать коллективный интерес перед властью, оказывался лишенным доверия товарищей, без которого невозможно было создать морально стойкую коалицию¹⁶.

Вернемся к беседе. Мои слова о том, что в следующий раз Соловьеву придется встречаться с целой группой литераторов, вывели капитана из равновесия:

– Пусть приходят хоть десять! – запальчиво отреагировал он.

¹⁶ Вступать в контакты с властями только группой стало в будущем нашим правилом. Индивидуальные контакты были специальным решением правления Клуба-81 запрещены.

Осталось только попрощаться. Как в пьесах, Соловьев произнес заключительный монолог. Он был искренне взволнован, когда говорил, что дорога к демократии, которую *мы должны пройти*, – узкая и трудная, каждая ошибка будет нам дорого стоить, и мы можем упустить *последнюю* возможность.

В ответ я улыбался и успокоительно повторял:

– Ничего, пройдем... Мы же взрослые люди!.. Дорогу осилит идущий...

Позднее я так реконструировал события, предшествующие встрече с Соловьевым. Капитан Соловьев, исполнительный и инициативный сотрудник 5-го отдела, пришел к выводу (как и все Управление КГБ), что при хаотическом состоянии *независимой культурной среды* власть не в состоянии ее контролировать, не в силах пресечь циркуляцию в городе там- и самиздата. Творческий люд, осевший в дворничих, котельных, сторожках, опускаться ниже некуда, следовательно, административные преследования в этой ситуации ничего не дают. Под классификацию «антисоветская политическая деятельность» тоже не подвести – культурное движение развивалось в иных, не антиидейных, а эстетических и ценностных направлениях. Вот пример: ленинградский художник отправляется на скандальную московскую выставку с холстом, на котором нет ничего, кроме изображения двух оранжевых шаров. На вопрос иностранных журналистов: кто ваши учителя? – отвечает: Будда и Христос. Что с этим ум-

ником делать! Раздавить самосвалом, засадить в мордовские лагеря, уничтожить картины? Уничтожили, разорвали, сожгли. Завтра на своем чердаке он нарисует картину с тремя шарами и добавит к своим учителям Сенеку...

Соловьев, получив информацию о подозрительных инициаторах создания литературного объединения при Доме учителя, вступил со мной в переговоры. У властей к этому времени был разработан план: всем активным группам самиздатчиков предложить войти в подконтрольные организации, где им будут предоставлены условия для общения, профессиональные критики помогут им занять правильные идейные и эстетические позиции, будут готовить к вступлению в Союз писателей. Тех, кто будет использовать эти клубы в антисоветских целях, из организаций изгонять, из страны выселять и пр.¹⁷, как уже были аннулированы журналы феминисток «Женщина и Россия» и «Мария», «Община» (редактор В. Пореш арестован), «Северная почта» (редакторы С. Дедюлин и В. Кривулин).

Соловьев проявил определенную смелость, предложив начальству легализовать ленинградскую неофициальную литературу в рамках клубной структуры, полагая, что вслед за этим удастся ее оседлать. (В городе уже существовал привлекательный для чекистов Клуб молодого литератора, ти-

¹⁷ Подробнее об этом проекте позже. Сейчас замечу лишь, что разрабатывался он на самом верху и на ленинградском областном уровне. Непосредственное отношения к нему имел первый секретарь обкома Г. Романов, входивший в состав Политбюро.

хое заведение примерного поведения, в котором стареющая молодежь ожидала приема в ССП «за выслугу лет»).

План был одобрен на самом высоком уровне. Во всяком случае Олег Калугин, в то время заместитель начальника УКГБ по Ленинграду и области, десять лет спустя заявил о своей причастности к санкционированию идеи клуба. Консультации также проводились с секретарем обкома КПСС по идеологии Захаровым, вскоре он перешел работать в центральный аппарат ЦК КПСС, его место заступила Г. И. Барина – тогда секретарь Дзержинского райкома КПСС. Именно через нее строились отношения клуба с обкомом КПСС.

Клуб, как в случае с Кривулиным, должен был пойти в обмен на прекращение выпуска журнала «Часы». Это требование Соловьев обязан был объявить в ультимативной форме. Но после того как в самом начале разговора я назвал план чекистов покончить с самиздатом утопическим, Соловьев, чтобы не сорвать переговоры, тему журнала обошел, что привело встречу к несколько другому результату, о чем капитан, как выяснилось позже, своему начальству не доложил.

Никаких тайн! Несколько дней на разных квартирах со всеми подробностями я рассказывал о состоявшейся беседе. Идея клуба, которая обсуждалась вполголоса только нашей троицей, в мгновение ока разлетелась в среде ленинградских неофициалов и нашла поддержку даже у самых осторожных: «Хуже не станет. А там видно будет».

Излагать свои соображения Соловьеву я не стал. От слов

нужно немедленно переходить к прямым действиям, как перешли художники, — не доказывать необходимость клуба, а создавать его. Пишу «Устав горкома литераторов при ЛО ССП» и к нему «Пояснения». Скромное объединение сочинителей, собирающихся почитать друг другу свои вещи и поговорить о них (таким мы с Адамацким и Новиковым видели наш клуб), превращается под моим пером в творческую профессиональную организацию с фиксированным членством, с независимым правлением, избираемым большинством голосов, и правами издательской инициативы. В «Пояснении» на двух страницах излагался программный аспект культурного движения.

Выдержки из «Пояснения к проекту устава горкома литераторов при ЛО ССП»

В последнее десятилетие в области литературного творчества сложилось неудовлетворительное положение. Многие авторы, безусловно талантливые, чье творчество вызывает горячий интерес читателей, по тем или иным причинам утратили даже надежды увидеть свои произведения опубликованными издательствами и журналами. И это в то время, когда значительную часть печатной продукции составляют произведения низкого культурного уровня, с нулевым коэффициентом новизны и по форме, и по содержанию. Литературное ремесло вытесняет литературу как искусство. Катастрофически понижается уровень и значение литературной критики... Одним словом,

сложилась ситуация, которая на руку только халтурщикам.

На этом фоне произведения, отмеченные мастерством, глубиной мысли, искренностью, раскрывающие неизвестные стороны нашей действительности, часто воспринимаются как претенциозные, сомнительные и даже опасные. Во имя *общедоступности* литературной продукции издательства и редакции жертвуют развитой дифференцированностью советского читателя. В этой обстановке читательские запросы начинает во все большей мере удовлетворять самиздат, включающий, помимо стихов и прозы, литературоведческую и искусствоведческую критику и переводы.

Возникли *неофициальное искусство* и *вторая литературная действительность*, определилась дифференциация: официальный и неофициальный литератор – явление совершенно небывалое в истории русской литературы. Здесь нет места говорить обо всех последствиях – социальных и культурных, – укажем лишь на одно: эта ситуация получает острое отражение во многих произведениях неофициальной литературы. И, очевидно, воссоединение литературы в одну отечественную невозможно, пока талантливые литераторы остаются за бортом нормальной культурной жизни.

Горком литераторов при ЛО ССП, проект которого предлагается ниже, есть, по нашему мнению, верный и необходимый ответ, по крайней мере,

на часть вопросов, которые ставит перед нами время. По нашему мнению, руководство ЛО ССП и неофициальные литераторы должны в самокритичном и доброжелательном диалоге разрешить сложившуюся ситуацию в пользу советского читателя, в пользу талантливых авторов, в пользу русской словесности.

Для всех непосредственно заинтересованных в этом деле лиц примером может служить перемена настроений в среде неофициальных художников после того, как они получили определенное признание и право на отдельные и смешанные (с членами ЛОСХа) выставки. Это признание не зафиксировано в каком-либо нормативном акте, отсюда неуверенность официальных представителей и нервозность неофициальных художников при контактах, приводящих к разного рода инцидентам, но важно: этот опыт в принципе удовлетворителен, что подтверждают мнения с обеих сторон.

Горком литераторов при ЛО ССП, по нашему мнению, должен:

- объединять литераторов, произведения которых отвечают общим профессиональным критериям,
- ориентировать своих членов прежде всего на проблемы творчества и задачи современного искусства,
- обладать правом составлять отдельные сборники из произведений членов горкома литераторов и правом рекомендации к публикации тех или иных произведений отдельных авторов и их книг,
- предоставлять членам горкома защиту от

обвинений по закону о тунеядстве.

На наш взгляд, в круг обязанностей членов горкома литераторов не следует включать такие обязательства, которые прямо или косвенно содержат указания, каким художественное творчество должно быть. Литератор – гражданин, и он обязан подчиняться законам государства, а не цеховым требованиям, так и личное достоинство не должно определяться цеховой моралью. Считаем возможным указать отдельным пунктом обязательство каждого члена горкома во всех вопросах печатных публикаций, как на территории Советского Союза, так и за рубежом, руководствоваться установленными правилами.

Под текстом поставили свои подписи: И. Адамацкий, В. Антонов, Л. Арцыбашева, И. Беляев, Э. Горошевский, А. Драгомощенко, Б. Дышленко, Б. Иванов, Ю. Колкер, С. Корвин, В. Кучерявкин, А. Миронов, Т. Михайлова, В. Нестеровский, Ю. Новиков, Б. Останин, Н. Подольский, С. Сигитов, Г. Сомов, П. Чейгин, Ф. Чирсков, С. Шефф, Ел. Шварц, Э. Шнейдерман – 24 человека. Через неделю число подписей возросло вдвое.

Во дворец Белосельских-Белозерских отправились И. Адамацкий, Ю. Новиков, Э. Шнейдерман. Мне рассказали, что в первую минуту, когда капитан увидел перед собой устав литературного объединения, подписанный десятками фамилий, он занервничал.

По воспоминаниям Эдуарда Шнейдермана:

Соловьев сразу заявил, что поддерживает мысль о создании клуба, ибо контроль над отдельными литераторами требует слишком много внимания, отвлекает много сил. «Нас заботит утечка произведений на Запад». Пожаловался на Кривулина: «Телефонные звонки из США, переговоры с Горичевой, передает сообщения, которые потом идут в эфир». Ему уже известен проект устава клуба¹⁸. Чтобы не вспугнуть Союз, советовал не показывать «Пояснения» к уставу как резкие и не поднимать вопрос о печати. Мы возражаем: «Без публикаций проблема не будет решена...»

Преамбула, пожалуй, сыграла даже большую роль в жизни клуба, чем устав. В ней была проведена та граница, которая принципиально отделила его от Союза писателей, от его руководящих структур и его политики. В сущности, мы были синдромом его начавшегося кризиса, тогда как задача наших «воспитателей» заключалась в том, чтобы вовлечь членов объединения в конкуренцию за прием в Союз писателей. Преамбула намечала другую модель творческого поведения – поведение свободной личности.

Из воспоминаний И. Адамацкого:

Переговоры длятся более часа. Стороны приходят к соглашению, что есть проблема, есть добрая воля к ее разрешению. Дух переговоров – корректность. Две-

¹⁸ Пройдет несколько лет, и у меня не останется сомнений, кто информировал КГБ о наших действиях.

три заминки, одна из которых – готовый начаться спор о сущности социалистического реализма. Но Соловьев уходит от вопроса...

Это не по его ведомству. Звонит в секретариат ЛО ССП. С Невского «группа контакта» отправляется на улицу Воинова. По пути присоединяется Аркадий Драгомощенко, который на встречу с Соловьевым опоздал.

Встретил делегацию Вольт Суслов. Никаких претензий к уставу, никаких замечаний, никакого любопытства. Заявил, что секретариат выделит своего представителя, который будет решать все вопросы взаимоотношений Союза с клубом. Одним словом, раз начальство велело усыновить неофициалов, так и сделаем. Могли бы приказать и нечто более экзотическое. Когда с советским человеком поговорит человек из Большого дома, в его поведении еще некоторое время угадываются следы легкого сотрясения мозга.

Теперь, помимо меня, «группа контакта» информировала неофициальный Ленинград о происходящих незаурядных событиях. Приподнятое настроение выразилось в сочинении новых текстов устава. Авторы были единодушны в одном: наше детище не должно называться «горкомом»: «горкомы», «обкомы», «завкомы, «парткомы» – это из языка партийной бюрократии. Да будет «клуб»!

Однако проходили недели и месяцы – представитель ЛО ССП не появлялся. Наверху, можно было подумать, начались сомнения в нужности клуба, но, когда В. Суслов пред-

ложил нам самим назвать, кого мы хотели бы видеть в роли официального представителя ССП, стало понятно, как далеко разошлись пути официальной и независимой литературы. Последним писателем, который мог бы возложить на себя эту ношу с пониманием наших задач, был Давид Дар. Но в 1977 году, вернув властям свои боевые награды и членский билет Союза писателей, он под давлением КГБ эмигрировал¹⁹. Я позвонил Якову Гордину. Предложил встретиться на улице: понимал, что близость с неподцензурными писателями не добавляла благонадежности кому бы то ни было.

Гордин сказал, что для кураторской роли он не годится, – и был прав – в его биографии были эпизоды, которые делали его в глазах властей *не своим*. Между тем положение клуба будет во многом зависеть от политической репутации куратора. В качестве кандидатов числились еще два имени – поэтесса Майя Борисова и названный при встрече с Вольтом Суловым Юрий Андреев. Предпочтительнее была кандидатура Майи Борисовой, написавшей замечательно смелую и бескомпромиссную рецензию на сборник «Лепта»: «вот поэзия, которую читатели давно ждали», но ее телефон молчал. Мне сказали, у нее тяжелые жизненные неурядицы. Оставался Андреев, его имя я слышал от Абрамкина.

В 1978 году москвич Валерий Абрамкин нашел меня. Его интересовали вопросы, связанные с выпуском машинописного журнала, – организационные и технические, а также с

¹⁹ В 1980 г. из Иерусалима пришло известие о смерти Давида Яковлевича Дара.

его распространением. О плане группы, в которую он входил, – выпускать общественно-политический журнал «Поиски» он не сказал ни слова²⁰. Зато подробно рассказал о Всесоюзном клубе самодеятельной песни, о слетах, собиравших тысячи и тысячи молодых людей со всей страны, о взлетах и падениях клуба. О том, чем власти могут привлечь неофициала на свою сторону, показала история этого клуба.

Клуб возник на волне стремления молодежи, в основном студенческой, к общению. В этой среде особой популярностью пользовались самодеятельные барды с песнями студенческой и туристической традиций. В 1967 году объединенные вузовские клубы песни под патронатом Московского горкома комсомола и Московского совета по туризму провели первый слет самодеятельной песни, клубу предоставили помещение, было дано заверение о наделении клуба правами юридического лица. Но уже в 1968 году начались конфликты активистов движения с кураторами от МГК ВЛКСМ, а в 1969-м последовало запрещение деятельности КСП, помещение приказано было покинуть, слеты прекратить. Начался подпольный период в истории клуба – тексты песен не «литовались» (жаргон того времени), места слетов от власти скрывались.

В 1975 году (заметим, после «бульдозерной выставки»)

²⁰ В начале 1979 г. группа, в которую входили В. Абрамкин, В. Сорокин и другие, выпустила первый номер журнала «Поиски». Глубокие аналитические статьи были посвящены поискам выхода из тупика, в котором оказалась страна. В конце 1979 г. Абрамкин и Сорокин были арестованы и осуждены.

Горком комсомола предложил лидерам КСП вернуться к сотрудничеству, однако новый конфликт был неизбежен. Лидеры КСП разделились на тех, кто отстаивал полную независимость движения, и тех, кто соглашался литовать песенный репертуар в обмен на легализацию деятельности. Независимых возглавил В. Абрамкин. За ним началась слежка, последовали запугивания, задержания на улице, неприятности на работе. Некоторые в таком положении отступали, некоторые связывали запреты и преследования с пороком самой системы и переставали видеть смысл в том, чем они занимались прежде, – и встали на путь борьбы.

В рассказе Валерия несколько раз мелькнула фамилия некоего Юрия Андреева.

Андреев Юрий Андреевич

(1930, Днепропетровск – 2009, Санкт-Петербург) – советский литературовед, прозаик, член коммунистической партии с 1956 года, окончил филологический факультет ЛГУ (1953). Докторская диссертация – «Революция и литература» (1973). Печатается с 1955 года. Опубликовал повесть о спортсменах «Республика Самбо» (1964), роман «Багряная летопись» (1968, совместно с Г. А. Вороновым), посвященный Гражданской войне. Автор работ «Русский советский исторический роман: 20–30-е годы» (1962), «Революция и литература» (1969), «Наша жизнь, наша литература» (1974), «Движение реализма» (1978), исследования по советской

литературе.

О Юрии Андреевиче я кое-что знал не только от Абрамкина – в 1977 году в Лондоне вышла книга «Записки незаговорщика» Ефима Эткинда, одного из *новых* российских интеллигентов, поставивших гражданский долг выше забот о своем официальном служебном положении. Через два-три года после издания книги у меня оказалась ее фотокопия. В главе «Роман одного романа» автор рассказывал о судьбе рукописи своей книги «Материя стиха», в которой Ю. Андреев, как ее рецензент, сыграл свою роль.

Е. Эткинд пишет: «Я... узнал, что моя рукопись – у Юрия Андреева, молодого волка, прославившегося незадолго до того критической статьей в „Литературной газете“ о сталинском романе Вс. Кочетова „Чего же ты хочешь?“; эта статья свидетельствовала о либеральных взглядах критика, если бы не была заказана ему начальством, для которого Кочетов с его романом-памфлетом был чересчур откровенен. Юрий Андреев казался мне удачливым карьеристом; ждать от него было нечего, кроме разгрома». Однако профессора ожидал сюрприз. Книга получила оценку выше всех ожиданий, рецензия воспрепятствовала желанию издательства ее зарезать. Вместе с тем претензии рецензента к *материи стиха* по всем содержательным моментам были таковы, что свет она могла увидеть лишь «после серьезной доработки». В борьбе за свою книгу Эткинд ссылался на хвалебную часть рецензии, а оппоненты – на указанные недостатки.

Итак, из литературной энциклопедии я узнал: Ю. Андреев закончил филфак ЛГУ чуть раньше меня. Опубликовал множество книг и статей о текущей советской литературе: «Наша жизнь, наша литература» (1974), «Портреты и проблемы современника» (1977), «Движение реализма» (1978), «Летопись нашей эпохи: социалистический образ жизни и советская литература» (1979) и другие по сходной тематике. Задачи *партийной критики*, которой Андреев отдавал свои силы, сводились к сторожевым обходам цехов советской литературы, к выяснению, насколько добросовестно выполняются планы идеологического руководства: где недорабатывают, кто преуспел, что «инженеры человеческих душ» проглядели из того, что создает «живая, в высшей степени динамичная, бурно развивающаяся жизнь, творчество масс».

Заказываю в библиотеке самую крупную работу Андреева «Революция и литература». Она производит впечатление объемом привлеченного материала, встречаю неизвестные мне имена писателей и названия книг. Перед читателем, несмотря на эмиграцию, гибель от голода, ссылки, расстрелы – об этом автор, понятно, не пишет, – 1920-е годы раскрываются цветущим полем русской словесности: множество журналов, направлений, дискуссий. А дальше?.. Текст Ю. Андреева становится все менее внятным, начатые темы обрываются. Все верно: соцреализм как идеологическая система управления культурой входит в литературу партийной риторикой, статьями-доносами, прекращением выхода журналов

и ликвидацией независимых издательств. Идет сворачивание литературы как живого культурного процесса, а автору приходилось все это оправдать. Получалось плохо.

Позднее в одном из разговоров Ю. Андреев сказал, что к его монографии были предъявлены многочисленные придирки, но даже после переработок и словесной маскировки факты, приведенные в книге, говорили сами за себя. В его биографии угадывалась атмосфера «оттепели», когда многие талантливые студенты и аспиранты непременно хотели писать дипломные сочинения и диссертации о Пастернаке, Ахматовой, Пильняке, Бабеле, Артеме Веселом и других замалчиваемых при Сталине авторах. И писали, но, когда дело доходило до публикаций и защит диссертаций, Андреев и другие молодые литературоведы проходили школу жесткой идеологической муштры: или с партией – или за бортом советской литературы. В книге читаем: «Именно ясного и широкого научного мировоззрения прежде всего не хватало Артему Веселому при том обилии впечатлений и эмоций, которое было характерно для него». А у кого оно было? У Троцкого? Бухарина? Каменева? Кирова? У Платонова, Заболоцкого, Булгакова?.. У кого? – Только у товарища Сталина.

В это время я с любопытством следил за кампанией «разоблачения» теории «реализма без берегов» Роже Гароди – видного представителя еврокоммунизма. Идеологи КПСС пытались найти убедительную альтернативу этой теории,

увернуться от обвинений в нормативности эстетики соцреализма и догматизме, в его заведомой ограниченности и, следовательно, в неизбежной и бесславной кончине. Авторитетный теоретик Д. Марков объяснял культурной Европе, что соцреализм не ограничивает, а, напротив, многократно расширяет возможности самореализации личности. Наш будущий куратор принимал участие в этой дискуссии, в которой соцреализм нашел свое укрытие в положениях: «о жизни нужно судить по законам самой жизни», а подлинный реализм заключается «в изображении жизни в формах самой жизни». Это писалось тогда, когда советская *жизнь* уже *оформилась* в тоталитарное государство, контролируемое гигантской бюрократической машиной²¹.

И наш клуб мог обрести место под солнцем, лишь будучи привязанным к этой «машине» – к ССП, Обкому КПСС, КГБ. Юрию Андрееву предстояло стать в клубе ее представителем.

Осенью 1981 года Вольт Суслов сообщил, что Андреев согласился выполнять полномочия представителя ЛО ССП в клубе. Мы с Адамацким договариваемся по телефону с Ан-

²¹ В 1940-х гг. советская литература получила в кругах критически мыслящих писателей определение – «бюрократический реализм». Это определение дал Давид Дар в письме Союзу писателей, выразив протест против исключения Александра Солженицына из Союза. И имел на это полное основание: вся официальная советская литература от «Поднятой целины» М. Шолохова до «Жатвы» Николаевой, от «Районных будней» В. Овечкина до романов и повестей Д. Гранина была проникнута квазирелигиозным упованием на партийно-бюрократические верхи.

древним о встрече. Долго торчим в вестибюле Пушкинского Дома. В секторе, где он работает, к телефону никто не подходит. Предлагаю встречу перенести. Адамацкий не согласен, уверяет, что сегодня нам должен сопутствовать успех. По китайской «Книге перемен» день благоприятен для тех, кому есть «куда выступить». А мы уже «выступили». Андреев отыскивается. Поднимаемся под самую крышу. В помещении, заставленном скучными столами и стульями, где размещается «идеологический отдел» Пушкинского Дома, встречаемся с человеком, рядом с которым просуществоем пять бурных лет.

Впечатления противоречивые, но скорее положительные. Он ничуть не похож на истонченных книжным образом жизни представителей филологической науки. Короткая стрижка, торчащие уши, в походке неуклюжесть борца, выходящего на ковер, что не случайно – имеет спортивный разряд по самбо. Очевидный плюс: быстро думает, сразу увидел практическую задачу в создании клуба – получить помещение. Дает понять, что он тоже относится к людям, которым не раз перекрывали кислород. Я сказал, что читал его книгу «Революция и литература» и узнал из нее много нового. Он эмоционально высказался по поводу тех, кто обвинял его труд в разных грехах. Был у него замысел написать об Александре Солженицыне, но «старшие товарищи не одобрили».

Но насколько ему будет близко творчество неофициалов, оппозиционное к официальной культуре? Вручаю Андрееву

устав клуба. Подчеркиваю, что его текст никто из официальных лиц не оспаривал. Предчувствовал, что наш устав – камень, который нельзя шевелить. Андреев пригласил нас к себе.

Через несколько дней мы втроем – я, Игорь Адамацкий, Аркадий Драгомощенко – навестили Андреева. На автобусной остановке подготавливаю коллег к дискуссии: «Друзья, мы должны до конца отстаивать самостоятельное управление клуба. Опыт учит: официал, даже не имея на то специального намерения, доведет до маразма любое живое начинание. Лучшая формулировка взаимоотношений клуба с Союзом писателей: „Клуб создается при ЛО ССП и осуществляет свою работу в контакте с представителем Союза“. Но можно согласиться с формулой о совместной работе правления клуба с его представителем», – я говорю это, не забывая судьбы Всесоюзного клуба самостоятельной песни.

Андреев встретил нас радушно. Большая домашняя библиотека, уникальная коллекция магнитофонных записей самостоятельной песни, весь Высоцкий. Похоже, в наш устав он не заглядывал, эту тему обошел стороной. Я попытался предупредить его ошибку: «Юрий Андреевич, неверно думать, что мы, неофициалы, трудновоспитуемые. Мы хуже того – неперевоспитуемые. И в этом наше главное достоинство». (Как бы отразились отношения Андреева ко мне и к клубу, если бы я не стал скрывать, что мне известна его роль в расколе КСП – Клуба самостоятельной песни?)

Из того, что я узнал и мог почувствовать при встрече: Ю. Андреев принадлежит к послевоенному послесталинскому поколению — к тем, у кого Сталин не вызывал ностальгических воспоминаний, кого стали называть «молодыми шестидесятниками». Комсомол, думаю, не был для него скучной назойливой организацией. Он оказался среди тех, для кого комсомол стал школой, в которой ученики проходили курс вхождения в систему — получать от партийных организаций поручения и выполнять их, «жить в коллективе» и разделять с ним ответственность, входить в составы комсомольских бюро и разных штабов — комсомольских патрулей и летних стройотрядов. Занимался популярной среди молодых людей борьбой самбо. В этой среде был высок авторитет комсомольской молодежи 1930-х годов: романтической, стойкой, антимещанской.

Он — один из миллионов молодых людей, которые могли бы поддержать крутые перемены в годы хрущевского утопизма. Им нужно было отпустить вожжи, а не растрачивать свой романтизм и энергию на мелочевку *комсомольских дел* и партийных поручений. Хрущев попробовал административно взнудать секретарей обкомов, которые его и предали, а мог бы рискнуть — поставить на тогдашнюю профессиональную интеллигенцию, честолюбивую молодежь, которая на рубеже 1950–1960-х была насквозь советской. Ее зачисляли в номенклатуру, но лишь круто обкатав на поворотах и ступеньках карьеры.

Политический инстинкт Горбачева через два десятилетия подсказал, кто будет служить опорой его «перестройки», но застойная геронтократия уже успела дискредитировать советскую власть по всем критериям. В стране, казалось, нет более важных забот, чем юбилейные. В Союзе писателей средний возраст членов приблизился к семидесяти (!) годам. Режим угробил молодой идеализм целого поколения. Вперед вышел народ мелкий, из породы «амбарных котов».

Этим объясняется и серьезный интерес Андреева к литературе 1920-х годов, к бардовской песне, насыщенной протестными мотивами и демократической по духу. В своем конструктивном ядре шестидесятник – человек, ценящий искренние и простые чувства, товарищество. Несмотря на профессорский статус и идеологическую направленность деятельности, он был прост, даже несколько примитивен – тоже от шестидесятничества, для которого все умозрительные постройкИ были от лукавого. Андреев в мир литературы и культуры углубился не более чем в спорт, от спортивной физиологии перешел к органическим способам питания и образу жизни. В 1980-е годы он – практикующий экстрасенс (в некотором роде сверхшестидесятник). Как о шестидесятнике, о нем нужно судить не только по достигнутому служебному положению, но и по тем возможностям, которые в нем были заложены и остались подавленными.

В поступках Юрия Андреева бросалась в глаза двойственность: смелые порывы – и следование *правилам игры*. Он

был искренен и когда писал хвалебные строки о книге Е. Эткинда, и когда упрекал автора в идеологической ущербности. У меня нет сомнений в том, что Клуб самодетальной песни привлекал его свободным духом, но он, как и другие деятели ВЛКСМ, так же искренне делал все, чтобы поставить творчество под цензурный контроль. Отвечать на вопрос, получал ли он удовольствие, укрощая творческую стихию других, которую некогда его принудили укрощать в себе, не имеет смысла, как не имеет смысла вопрос, верил ли Д. Гранин в воспитательный эффект своих рассказов и романов. Но то, что Андрееву, как официально, нельзя полностью доверять судьбу общественных инициатив, мне было ясно.

13 ноября. Вместе с Адамацким направляемся в музей Достоевского. Директор музея Белла Нуриевна Рыбалко – давнишняя знакомая Андреева. Там в семь вечера начнется учредительное собрание нашего объединения. Там будут проходить многие дальнейшие наши мероприятия.

По дороге Адамацкий рассказывает, что ему приснился сон, будто бы он избран председателем клуба. – «Борис, поддержите мою кандидатуру, когда будут выборы председателя правления!»

Просьба неожиданная. Он знаком с нами – *часовщиками*, к которым отношу Б. Останина, Ю. Новикова, А. Драгомощенко, С. Коровина, – и это все, с кем из литераторов Адамацкий знаком. Последние десять лет он вел жизнь частного человека. Не было сомнения в том, что в правле-

нии создаваемого клуба *часовицки* должны занять ведущее место: клуб – наша идея, мы имеем опыт проведения коллективных акций, который в культурном движении был у немногих²². Учреждение литературной Премии Андрея Белого (1978), проведение конференций культурного движения (1979) демонстрировали взятую журналом «Часы» на себя роль. И клуб, я считал, должен взять на себя представительскую функцию если не всего движения, то, по крайней мере, различных неофициальных литературных кругов, что должно отразиться на составе его правления.

Прежде всего в правление должны войти из группы К. Бутырина – С. Стратановского, выпускающей самиздатский журнал «Диалог», и от литераторов, группирующихся вокруг Виктора Кривулина. В первой группе предпочтителен С. Стратановский – тогда уже известный поэт, обязательный в личных отношениях, во второй – Наль Подольский, имеющий важные для совместной работы качества, взвешенность оценок людей и ситуаций и прямоту. Одним словом, я видел в правлении подобие демократического микропарламента.

²² В ноябре в городе появился московский поэт Александр Сопровский, который приехал с идеей «Союза независимых литераторов» и распространял анкету этого предполагаемого союза. Анкету многие заполнили и дали Сопровскому тексты своих произведений. Между тем за его визитом внимательно следило КГБ: когда Сопровский садился в московский поезд, его «повязали», отобрали анкеты, и тексты. (Самого, впрочем, отпустили.) Случай этот не имеет прямого отношения к клубу, но красноречиво свидетельствует об атмосфере того времени.

Выдвижение на первую роль в клубе человека малоизвестного могло многим показаться – и показалось – странным, но я уловил положительные стороны такого нетривиального решения: оно сводило к нулю температуру возможной внутриклубной конкуренции; при малоизвестном председателе повышался авторитет правления как коллектива, – к тому же у Адамацкого было немало деловых достоинств, которые мои коллеги в скором времени смогут оценить.

На том собрании, на которое мы спешили, выборы не состоялись, но, когда в январе на собрании все упомянутые кандидаты были названы, все они, включая Адамацкого, получили поддержку (сны, как видим, бывают в руку). На протяжении шести лет результаты ежегодных выборов существенных изменений в состав правления не вносили. Каждый, кто знаком с неофициальной художественной средой – самолюбивой, эмоционально взрывной, склонной к ультимативным заявлениям, болезненно реагирующей на любое, даже мнимое умаление своей личной значимости, – способен оценить этот успех внутриклубной политики.

Едва мы вошли в вестибюль музея, как почувствовали наэлектризованность атмосферы – обычная реакция неофициалов на представителей власти, в которых они видели узурпаторов прав. Вспомнился знаменитый вечер ленинградской интеллигенции в январе 1968 года, когда Дом писателя был переполнен *своими* – ни одного официального лица. Уже тогда *естественную* границу между официозом и культурной

оппозицией не видел только слепой. Теперь *свои* собрались в Кузнечном переулке. Сергей Коровин взял на себя полицейские функции: пьяных и случайных лиц на собрание не пускать. Рядом «Сайгон», многие из праздношатающейся публики хотели бы «побалдеть» на этой встрече.

Появляется Юрий Андреев. То, что он говорит, выводит меня из себя: «Давайте устав не обсуждать, познакомимся – и на первый раз достаточно. Устав предварительно нужно согласовать в Союзе писателей». В ответ кричу Коровину: «Сергей, объявите, никакого собрания не будет, будем расходиться! Все! Разговор закончен!» Андрееву заявляю: «Я не хочу оказаться в положении лгуна, мы приглашали литераторов-коллег обсуждать устав. А вы предлагаете устроить беспредметную говорильню. Либо мы проводим обсуждение устава, либо расходимся».

Я не могу объяснить Андрееву очевидную для меня вещь: клуб, который нами мыслится как клуб, объединяющий весь спектр литературной самиздатской оппозиции, не примет устав, сочиненный для нас в писательской богадельне. Это значит планировать раскол при самом зарождении клуба, и если под знамена ССП кто-нибудь и поспешит, то это будет ничтожная в количественном и творческом отношении публика. Готово было сбыться мое предупреждение: «официал любое живое начинание способен довести до маразма».

Отказаться от проведения собрания Андреев просто так не может: это будет воспринято в глазах Обкома, секретари-

ата ЛО ССП – всей номенклатуры, задействованной в этом деле, как его личная неспособность решать проблему, за которую он берется. В маленькой комнатухе мы долго препираемся. Я говорю: «Чего вы боитесь? Если наш устав, подписанный сорока литераторами, с вашей точки зрения, требует изменений, говорите, доказывайте с трибуны свою правоту. Чего прятаться за спину Союза писателей!» Андреев уступил.

Зал переполнен. Зарегистрировалось пятьдесят человек, набилось народу раза в два больше. Причина понятна – страх «засветиться». Пугливые давно уже утверждают, что клуб – провокация КГБ: всех перепишут, ко всем будут приняты меры. Игорь Адамацкий в роли ведущего собрания осваивает будущую роль официального председателя клуба. Юрий Новиков кратко рассказывает об итогах переговоров «группы контакта» с властями. Очередь за представителем Союза писателей. Становится ясно, какой устав мы получили бы из рук этой организации. Во-первых, там появился бы пункт о приверженности членов клуба «методу социалистического реализма». Во-вторых, представитель Союза был бы наделен званием «художественного руководителя» неподцензурной, самиздатской, оппозиционной по существу петербургской литературой.

Речь Андреева вызвала бурю негодования. Поэт Охупкин протодьяконским голосом заговорил о «русской литературе, залитой кровью». Михаил Берг потребовал, чтобы продук-

ция Лениздата на 90 процентов состояла из произведений неофициальной литературы. Андреев допустил бестактность – предлагать свое «художественное руководство» литераторам зрелого возраста, многие из которых уже имели имя. На этом собрании он должен был понять, что перед ним коллектив, осознающий свои интересы и выдвигающий требования, на которых будет настаивать. Я предупреждал, что устав нельзя трогать, говорил, что ему придется иметь дело с *невоспитуемыми* людьми.

С юмором вспоминает Наль Подольский:

В программной речи куратор клуба Юрий Андреев сказал, что все мы – писатели с непростой судьбой, но теперь у нас есть шанс. При этом он прямо на ходу начал проводить воспитательную работу и попытался посеять в нас почтение к советской литературе:

– Ведь никто из вас не может назвать в XX веке более великого произведения на русском языке, чем «Тихий Дон» Шолохова!

Эта сентенция вывела из спячки Олега Охупкина, который бесцеремонно и зычно заявил:

– Ну, знаете, если вы будете нас оценивать по принципу сходства с Шолоховым, мы не сработаемся.

Андреев с установкой на взаимопонимание миролюбиво пояснил:

– Ну почему же обязательно с Шолоховым? Есть много других прекрасных писателей. Я, например, люблю Маркеса, хотя он не похож на Шолохова.

На этот раз притворно возмутился Владимир Эрль:

– То есть как не похож? Еще как похож!

Чтобы продолжить собрание, аудиторию пришлось успокаивать. В своем выступлении я сказал: «Нонконформизм выжил, но еще не решил проблемы, которые его породили».

Первое собрание имело в судьбе клуба исключительное значение. Был одобрен устав, предельно широко в тех условиях трактующий задачи и права объединения. Андреев, очевидно, проинформировал начальство о том, как проходило собрание, и начальство решило не настаивать на включении в учредительный документ положения о соцреализме. На втором собрании, состоявшемся 6 января 1982 года, в устав была вписана формулировка, под которой каждый из нас мог подписаться (см. устав). На этом собрании отчетливо выделилась та часть литераторов, которая, с одной стороны, заявила о себе как неподдающейся давлению, с другой – не впадающей в истерическую экстрему. Эта часть образовала тот морально устойчивый центр, который позволил товариществу пережить Брежнева и Андропова, Черненко и нажим КГБ в первый период правления Горбачева.

УСТАВ ТВОРЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛИТЕРАТОРОВ

Клуб литераторов создается как творческое объединение при участии и руководстве Союза писателей (ЛЮ ССП РСФСР) и *исходит в своей*

деятельности из гражданских, патриотических устремлений, которые всегда определяли развитие великой русской литературы. Ответственный представитель Союза писателей предлагается секретариатом ЛО ССП, участвует с правом решающего голоса²³ во всех мероприятиях клуба, рекомендует – с учетом мнения правления клуба – к печати отдельные произведения и сборники членов клуба.

ЦЕЛИ И ФОРМЫ РАБОТЫ КЛУБА

Содействовать повышению профессионального мастерства своих членов, способствовать публикациям произведений членов клуба и иным формам контактов членов клуба с читателями.

Формами работы клуба являются: обсуждение произведений членов клуба; лекции, доклады, семинары, дискуссии, посвященные проблемам литературы, искусства и других видов гуманитарной деятельности; выступление со своими произведениями в других клубах, литературных объединениях, домах культуры, на радио и телевидении; подготовка к печати индивидуальных произведений и коллективных сборников членов клуба.

²³ Точнее было бы сказать: «имеет право принимать участие во всех мероприятиях Клуба», присутствие Ю. Андреева вовсе не требовалось, чтобы правление клуба могло собраться и принять свое решение. Мероприятия планировались и проводились, как правило, без его участия. Когда на заседании правления он присутствовал, его голос приравнивался к голосу члена правления.

СТРУКТУРА КЛУБА

Общее собрание членов клуба избирает правление в составе 7 человек сроком на год, устанавливает периодичность работы клуба, вносит изменения в устав, принимает (квалифицированным большинством) в члены клуба, исключает из членов клуба, выносит иные решения по вопросам, связанным с деятельностью клуба.

Правление избирает председателя правления; при непосредственном участии ответственного представителя Союза писателей планирует и организует работу клуба, контролирует выполнение устава, периодически (раз в год) отчитывается о работе общему собранию, назначает составителей коллективных сборников членов клуба, осуществляет творческие контакты с другими творческими организациями.

ЧЛЕНСТВО В КЛУБЕ

Членами клуба могут быть поэты, прозаики, драматурги, критики, переводчики, искусствоведы, чьи интересы связаны с литературой. Члены клуба должны быть авторами произведений, отвечающих высоким профессиональным требованиям.

Членам клуба выдается членский билет. Порядок приема в члены клуба: личное заявление в правление,

знакомство членов правления с произведениями и обсуждение их, рекомендация общему собранию, прием в члены клуба большинством в две трети голосов (от числа членов клуба).

Член клуба выполняет устав и решения общего собрания, участвует в мероприятиях клуба, *во всех вопросах публикаций своих произведений руководствуется действующим советским законодательством*²⁴.

Несоблюдение устава ведет к предупреждению (сроком на год) и последующему исключению из членов клуба (простым большинством).

Принято общим собранием 6 января 1982 года.

Читая сегодня этот документ, замечаешь в нем неуклюжесть стиля и чуть ли не описки. Вариантов устава, как и названий клуба, было множество. Приведу некоторые из более чем двадцати предложений: «Импульс», «Дельта», «Дви-

²⁴ Некоторые упрекали клуб за то, что в устав было включено выделенное курсивом положение, которое якобы обрезало путь рукописям на Запад. Клуб, как организация, за рубеж действительно ничего, кроме писем, не отправлял, но и не запрещал ничего членам клуба – рукописи попадали за кордон по личному волеизъявлению их держателей. При этом критики не удосужились поинтересоваться, есть ли в советских законах статьи, которые налагали бы наказание за своевольную публикацию за пределами страны. А.Синявского и Ю. Даниэля, В. Максимова, А. Солженицына и других осуждали за содержание публикаций. Пришить статью за «клевету», «пропаганду» и пр. – да, за сам факт публикации – нет. При этом КГБ стремился наказать каждого автора, получившего гонорар из-за рубежа, минуя систему специального советского посредничества.

жение», «Орфей», «Гипербола», «Лига», «Голос», «Ковчег», ЭОЛ (Экспериментальное объединение литераторов), «Круг», который позднее был использован в названии сборника. В некоторых вариантах клуб наделялся правами самостоятельного юридического лица и участия в «любых – включая международные – конференциях, семинарах...» и т. д., в других брал на себя *защиту социальных прав своих членов*, я считал важным положение о приравнивании членства в объединении *занятости общественно полезной деятельностью*.

При обсуждении сталкивались две тенденции, одну из которых можно назвать максималистской, другую – почвенническо-прагматической. Для максималистов устав являлся своеобразным ультиматумом властям; отказ властей санкционировать появление такого объединения в глазах максималистов покрывалось тем вниманием, которое будет к нам привлечено на Западе. Почвенническо-прагматическая позиция, занятая *часовщиками*, подразумевала, что создание независимого литературного клуба (который будет сам решать, каким ему быть) уже само по себе было в Стране Советов событием небывалым, как небывалыми были и недавние выставки неофициальных художников. Давление творческой интеллигенции на власть способно вызвать эволюцию культурной политики системы. Если представить эту возможность в виде реальной перспективы, получаем страну, в которой путем подобных шагов пускают корни демократи-

ческие институты – Утопия-2. Утопия это или нет – клубу предстояло проверить на практике.

На собрании было избрано правление, в которое вошли прозаик И. Адамацкий, поэты С. Вовина, С. Стратановский, А. Драгомощенко, искусствовед Ю. Новиков, прозаики Н. Подольский, Б. Иванов. Руководство секций было поручено: секцией поэзии – А. Драгомощенко и В. Кривулину, прозы – Н. Подольскому, критики – К. Бутырину и Ю. Новикову.

Мне хотелось узнать, почему среди вступивших в клуб не было Тамары Буковской, Владимира Ханана, Олега Охупкина, Владимира Эрля – поэтов и активных участников культурного движения. Встреча с ними прошла в котельной. Я сказал: «Вот устав! Что вы видите в нем такого, что требует от нас отступить от своих убеждений? А если такие требования в будущем предъявят, нам ничто не мешает клуб распустить». Аргумент несогласных повторялся в весьма лаконичном виде: «Мы не хотим вступать в организацию, к которой приложил руки КГБ». Не помню, в том разговоре или в другом ему подобном я сказал: «В нормальном обществе тайная полиция не занимается делами литературы. Но если КГБ запустил руки в наши дела, из этого не следует, что мы перестанем ими заниматься. Яйца должны продаваться в гастрономе, но если их будут продавать в аптеке, мы пойдем куда? – в аптеку!»

Насколько серьезно КГБ отнесся к своим видам на клуб, свидетельствует то, что по меньшей мере двух литераторов:

Е. Звягина и Н. Подольского – они рассказали об этом позднее – начальство на работе вызвало, чтобы сообщить о создании клуба и посоветовать в него вступить. Ситуация забавная – в то время как я вел «разъяснительную работу» с неофициалами, не вступившими в клуб, сотрудники КГБ и инструкторы обкома КПСС проводили ее тоже. Курьезность этого факта свидетельствует о том, насколько обе стороны были уверены в своем успехе!

В масштабах всей страны сходная ситуация повторилась в годы перестройки, когда кремлевские реформаторы призвали «прогрессивную общественность страны» совместными усилиями с партией преодолеть инерцию застоя, когда гласность пробудила просвещенную общественность, которая перехватила инициативу перестройки, перешагнула реформаторов и объявила о полной реконструкции страны. Наступит время, когда Клуб-81 также перешагнет идеологов и исполнителей Утопии-1.

Кто они, члены клуба, по возрасту, образованию и трудовой занятости?

Приведу данные на конец 1981 года. Средний возраст литераторов равнялся 34 годам. Например, В. Кривулину – 36, Е. Шварц – 33, Б. Улановской – 39, В. Кушеву – 42, Н. Подольскому – 46, Б. Иванову – 53.

60 членов клуба имели высшее образование: гуманитарное законченное – 37, незаконченное – 6, техническое – 14 и 3 соответственно.

По роду занятий половина числилась сторожами, пожарниками, 26 человек отдали предпочтение обслуживанию городских котельных. Другая половина к моменту поступления в клуб делала контркарьеру – опустилась по статусу на несколько ступеней, отыскивая занятия с меньшей зависимостью от службы и предоставлявшие больше свободного времени (среди них два кандидата наук – Наль Подольский и Владислав Кушев).

51 член клуба на момент вступления в клуб имели публикации в самиздате, некоторые – и в тамиздате. Примерно 10 человек, публикаций не имевших, были приняты в клуб по рекомендациям известных неофициальных писателей.

За пять лет в объединение было принято 10 человек, примерно восьмая часть к основному составу клуба.

1982 год

Первые месяцы работы клуба Игорь Адамацкий назвал «незабываемыми». 25 декабря 1981 года в зале музея Ф. Достоевского прошел первый литературный вечер, за ним через каждые две недели следовали другие. Люди рвались послушать стихи Е. Шварц, А. Миронова, В. Кривулина, С. Стратановского, Е. Игнатовой, О. Охапкина и других поэтов, гениального Сергея Курехина, чьи музыкальные композиции в помещении ДК Ленсовета уже произвели фурор. Он выступал с блестящим саксофонистом В. Чекасиным и группой Б. Гребенщикова «Аквариум» на фоне грубой сети, связанной из толстых веревок. Тут же, в вестибюле музея, были выставлены работы независимых художников.

Стульев не хватало. За порогом музея оказывались десятки людей. Оградиться от близкого «Сайгона» было невозможно. Как остановить господина с таким родственным выражением глаз, который называет своими друзьями известных членов клуба. Он вежливо поблагодарит за пропуск и протащит пару *фаустов*, которые *раздавит* в туалете с такими же завзятыми выпивохами. И вот уже видишь его в зале – своей бузой он хочет привлечь к себе внимание. Таких выставляли, их это возмущало: «Ну как же – из храма искусства изгоняют свои же!»

Парад продолжил прозаик Борис Кудряков, только что от-

меченный Премией Андрея Белого, он читал, развертывая бумажный рулон, свои сюрреалистические тексты. Эстрада любит вольности, развлекающие публику, – ему горячо аплодировали. Представить публике нужно было и секцию критики. Некоторое время я колебался, какую тему избрать для своего выступления. Я работал тогда над большой статьей «Стадиальность в развитии культуры», основные ее положения были мне ясны, я решил изложить их публично.

Убеждение в том, что Советский Союз вступил в эпоху реформации, посетило меня давно. Я основывался на признаках европейской Реформации – начало коррозии авторитета политических институтов, священных текстов, харизмы власти, на которых базируется первая стадия развития общества, получившая название (у Макса Вебера и других) «традиционной». В реформационном процессе решающая роль принадлежит *катехизисным личностям* – это было моим открытием. Вначале традиционные установления проникают во все сферы существования общества и порождают тип *катехизисной личности*, полностью посвящающей себя служению им. На своем пути *катехизисная личность* обнаруживает, что многие люди уклоняются от требований традиций, более того – не следуют им даже те, кто по положению и званию призван быть моральным образцом и авторитетом. Почтение к верховной власти сменяется критическим анализом, анализ – требованием перемен. Носители *катехизисного сознания* произносят сакраментальное: «Я здесь стою

и не могу иначе!» (Лютер), «Не могу молчать!» (Толстой), «Жить не по лжи!» (Солженицын), правозащитники требуют соблюдать заявленные в Конституции права и т. п. Реформа начинается с кризиса политических институтов (религиозных, светских или тех и других, как в России), их смена становится целью реформации.

В своем докладе я не назвал имена великих реформаторов-современников Александра Солженицына и Андрея Сахарова, не говорил о том, что духовные вожди и институты советской власти дискредитировали себя, но сказал, что страна, в которой мы живем, уже вступила в эпоху реформации.

Первый конфликт с КГБ вызвало выступление Наля Подольского: он прочел главу из повести, в которой, помимо прочих петербургских типов, был выведен стукач. На наших вечерах Адамацкий обратил внимание на мужчину средних лет, на общем фоне клубной аудитории выглядевшего *госслужащим*. Вскоре мы с ним познакомились: «Коршунов Павел Николаевич».

Он – офицер 5-го отдела – вызвал Н. Подольского к себе для внушения: тот, кого обыватели называют «стукачом», выполняет свой гражданский долг, стоит на страже государственной безопасности.

Узнав об этом, правление клуба направило в комитет протест, в котором заявило, что, если выступления в клубе будут подвергаться цензуре, существование клуба теряет вся-

кой смысл.

Коршунов обещал не вмешиваться в наши внутренние дела, а мы согласились перед выступлениями *на чужой территории* давать тексты на просмотр Ю. Андрееву. Помещение Клуба-81 на улице Петра Лаврова, 5, стало «Монако свободы», – так вскоре окрестили завоеванное пространство.

В первые месяцы особенно ощущалось, как нуждались литераторы в общении со слушателями, – обычные жалобы тех дней: «Когда же мне дадут возможность выступить!» Составили список очередности выступающих.

Я, казалось бы, должен был знать если не всех, то, по крайней мере, очень многих – пятый год выпускал «Часы», участвовал в работе Религиозно-философского семинара, – круг моих знакомств в неофициальной среде был весьма широк, и тем не менее на каждом вечере встречал новые лица. Привлеченные литературными вечерами из тени выходили *детти андеграунда*.

В круге больших надежд. Сборники X, Y, Z, W

В марте на литературном вечере Андреев делает заявление: издательство «Советский писатель» объявило о своей готовности оперативно выпустить сборник произведений членов Клуба-81 объемом в 22 печатных листа. Подумать только – официальное издательство будет издавать неофициалов! Утопия-2, кажется, начинает приобретать реальные

очертания²⁵.

Я считал, что любой публичный успех объединения ни в коем случае не должен порождать внутриклубные конфликты. Доверить составление сборника какому-либо клубному авторитету значило бы занести в коллектив бациллы ссор и интриг. Во избежание сего на очередном собрании принято «Положение о порядке составления клубных сборников».

И. Адамацкий:

16 марта 1982 года было принято «Положение о порядке составления сборников произведений членов Клуба-81».

Через неделю, а именно 23 марта, начался сбор текстов; к концу марта уже имелось в наличии 760 страниц машинописи двадцати поэтов и девятнадцати прозаиков.

Все помнят эти месяцы восторга – собирание текстов, собирание денег на перепечатку, доставание денег, бумаги, копирки. То были веселые хлопоты – как

²⁵ В марте 1984 г. на расширенном заседании правления ЛО ССП, где обсуждался вопрос об издании сборника «Круг», Ю. Андреев, чтобы укрепить свою позицию, сказал, что еще в 1980 г. первый секретарь обкома КПСС Г. Романов спрашивал секретаря партбюро писательской организации А. Белинского, почему так много в городе писателей, которые публикуются где-то за рубежом. «Надо организовать дело так, чтобы талантливые люди, которые почему-либо не печатаются здесь, смогли публиковаться на родине». Романов входил в состав Политбюро партии и наверняка вопрос о публикациях на Западе обсуждался в Политбюро, разумеется, не без участия М. Суслова. В городе ходил слух, что Клуб-81 был учрежден с его санкции. Таким образом, Утопия-2 была имплантирована в мозговые клетки областного аппарата.

переезд на новую квартиру.

К 16 августа объем собранных рукописей достиг 1000 страниц, к середине сентября – 1200.

Многие члены клуба принимали участие в рецензировании поступивших произведений: Кривулин, Стратановский, Адамацкий, Подольский, Улановская, Бешенковская и другие. Большинство авторов впервые встретились с письменно сформулированным анализом своих произведений.

Уже весной поступающие произведения мы стали распределять по четырем сборникам под литерами X, Y, Z, W. В сборнике X поэзию представляли В. Кривулин, Е. Шварц, С. Стратановский, А. Драгомощенко, прозу – Б. Дышленко «Антрну», Н. Подольский «Повелитель теней», В. И. Аксенов «Понедельник, 13 сентября». В раздел критики и искусствovedения предполагалось включить статьи «„Черные доски“ Владимира Овчинникова» Ю. Новикова, интервью с художником В. Гаврильчиком, статью Д. Панченко о поэзии Елены Шварц «Одежды Кинфии». В раздел «Публикации» – стихи Роальда Мандельштама, его имя открывает список выдающихся поэтов послесталинской независимой поэзии. Он умер, так и не увидев свои стихи опубликованными.

В сборнике Y предполагалось опубликовать стихи О. Бешенковской, П. Чейгина, О. Охупкина, прозу Б. Улановской, Б. Кудрякова, И. Беляева, в разделе критики – интервью с художником Ю. Дышленко, новаторскую работу Е. Барбана о джазе, статью Б. Останина об Александре Кушнере. В отделе

«Публикации» читатель прочел бы в переводе с английского работу В. Набокова «Николай Гоголь». В других составленных сборниках также были представлены авторы и произведения, которые через пять-десять лет будут опубликованы.

Каждый должен знать: все получают возможность предложить свои вещи и влиять на состав будущего издания. Все проекты сборников будут представлены общему собранию клуба. Могло показаться, что Положение излишне формализует, бюрократизирует отношения внутри клуба, на деле оно уравнивало права членов клуба.

Вскоре стало очевидно: размеры планируемого клубного сборника были слишком малы.

Тексты концентрировались у руководителей секций, кратко рецензировались, о трех китах негласного цензурного кодекса все знали: к публикации не допускаются 1) религия (*кресты и прочее божественное*); 2) порнография (имелась в виду эротика в любой дозе); 3) так называемый антисов – расплывчатое понятие, которое вполне можно было заменить словом из Салтыкова-Щедрина «посягательство». Авторы, посягающие решать проблемы, порученные историей «диктатуре пролетариата» и передоверенные трудящимися верхушке КПСС, конечно, не могли рассчитывать на уважение к своему литературному труду.

В то время, пока секции были поглощены заботой, как лучшим образом представить свой раздел в сборниках, Ю. Андреев выяснял в «высших сферах» реальные перспекти-

вы будущих изданий. Как и следовало ожидать, творцы и исполнители Утопии-1 немедленно задумались о том, как бы поменьше заплатить за будущую лояльность непослушных литераторов. С повестки дня был снят вопрос о публикации в газетах какой-либо информации о клубе, — объяснение: на клубные вечера полгорода сбежится. Наш куратор, с одной стороны, был поражен «гуманистическим отношением к клубу самых высоких партийных товарищей», с другой — «не лучше ли всего первый сборник пропустить через Горлит, подчеркнув, что издание экспериментальное, и опубликовать его тиражом в 200 экземпляров».

Идея малотиражного издания трудов клуба не казалась большинству его членов их умаляющей. Напротив, при публикациях в таком масштабе появлялась возможность непосредственного влияния клуба на качество, главное — опубликовать одновременно все четыре сборника. В лице издательства «Советский писатель» мои коллеги видели высокомерного идеологического монстра, который слыл производителем лучшей литературной продукции в стране. Правление в начале сентября посылает в секретариат правления ЛО ССП письмо:

Правление клуба предлагает опубликовать данные сборники ненаборным способом (ротапринт, ксерокс) в качестве предварительного пробного издания Клуба с обозначением их правового статуса; такое издание, хотя и неудовлетворительно, с точки зрения авторов,

тем не менее введет их произведения в границы, установленные законом, и затруднит их безнаказанное использование, позволит противостоять кривотолкам и необоснованным слухам, может послужить материалом для критического анализа.

Это письмо было дипломатическим демаршем против обвинений в продолжающихся публикациях наших коллег в эмигрантских журналах – мы вставляли на защиту своей интеллектуальной собственности. Но, с точки зрения власти, реализация этого предложения создавала прецедент раскола тоталитарного единства гигантской иерархической пирамиды, в которую будет внедрен жучок, который, как считали идеологи, начнет подтачивать эту египетскую постройку. «Узкая дорога к демократии» плохо просматривалась в зарослях бюрократического леса.

Разумеется, ротاپринтные издания со временем ушли бы в прошлое, зато был бы приобретен опыт позитивного решения вопроса, действительного сотрудничества власти с новыми культурными явлениями. За несколько лет такого компромисса, распространенного также на сферу театра, изобразительного искусства, кино, музыки, философии, конфликт между властью и интеллигенцией не достиг бы той остроты, которая в итоге привела к катастрофе всю систему, не подготовив внутри ее политиков, способных к интегральному мышлению. Нас терпели, нас изучали – для того, чтобы в конце концов уничтожить. Проект эволюционного враста-

ния страны в современный мир М. Горбачеву и его сторонникам не удался.

В ответ на наши предложения последовали сетования, что секретариат ЛО ССП множительной аппаратурой не располагает, и – вообще – советской литературе катастрофически не хватает бумаги. Еще бы! Я подсчитал, что только один лживый и бездарный роман Г. Холопова «Докеры», переиздания которого следовали одно за другим, а общий тираж достиг полутора миллионов (не считая изданий на языке народов СССР), отнимает у читателей сотни и сотни совершенно необходимых книг. (Для сравнения: средний тираж издаваемых в США романов составлял тогда 6 тысяч экземпляров.) Было у ЛО ССП и другое возражение: если начать издание произведений членов клуба малотиражным способом, не возжелают ли другие ЛИТО города получить такую же возможность?..

«Регулярные ведомости»

Я завел разговор об издании специального клубного информационного издания. За дело взялись Сергей Коровин и Вячеслав Долинин, придумавшие бюллетеню название «Регулярные ведомости». Первый номер вышел в конце апреля 1982 года. Издание так определило свои задачи:

«Настоящее издание раз в месяц будет помещать сообщения о всех состоявшихся клубных собраниях, чтениях, до-

кладах, публикациях, знакомить с протоколами и прочими документами, репортажами и отзывами. Кроме того, «Регулярные ведомости» предоставляют свои страницы членам клуба для высказываний, предложений, критических замечаний, писем и пр., имеющих цель способствовать работе клуба».

В первом номере были опубликованы «Предыстория и начало Клуба-81» – обзор событий, предшествовавших учреждению клуба, первых его собраний и литературных вечеров; в качестве приложения были напечатаны первоначальный проект устава объединения, устав клуба, принятый общим собранием, список литераторов, присутствовавших на первом заседании объединения 30 ноября 1981 года, положения «О порядке приема в члены Клуба-81» и «О порядке составления сборников произведений членов Клуба-81». Обзор подготовил И. Адамацкий. Помещены тезисы доклада Е. Барбана «Новый джаз в современной культуре», прочитанного на собрании клуба 23 февраля.

В статье «Клуб: Внутри и вокруг» я взял на себя ответственность сформулировать позицию правления по тем моментам, по которым в клубе были альтернативные точки зрения. Необходимо было убедить коллег-неофициалов в том, что устав клуба – это не бумажка, не отличающаяся от лицемерных нормативных документов партийно-государственной бюрократии, а документ, способный обеспечить демократическое решение всех возникающих перед объеди-

нением проблем. Об этом стоило сказать потому, что до клуба литераторы имели опыт либо обособленного, затравленного существования, когда до их мнения никому не было дела, либо ощущали себя принадлежащим к кружковому сообществу, обычно группирующемуся вокруг одного-двух лидеров. У лидеров кружков чаще, чем у других, встречались симптомы элитаристского сознания, с чем движение независимых литераторов уже столкнулось при составлении сборника «Лепта». Тогда в моде было составлять «тройки», «пятерки» и «семерки» – списки первых лиц питерской поэзии, очевидно зависящие от того, кто их составлял. Клуб же был общественной организацией, представляющей интересы всех ее членов.

«Для членов правления очевидно, – писал я, – что не стоило создавать творческую организацию, которая бы состояла из посредственностей. Было очевидно и то, что клуб не стоило создавать ради трех-пяти литераторов. По мнению правления, клуб составляет талантливое большинство. Клуб как целое может отличить талантливое от неталантливого, не будет аплодировать посредственности и поносить выдающееся... Поэтому правление не испытывает боязни перед большинством клуба, не стремится – ни прямо, ни косвенно – ставить членов клуба в положение лишь *регистраторов событий*, и не опасается, что члены клуба могут дискредитировать культурную значимость того явления, которое они так или иначе представляют... По мнению правления,

клуб... представляет неотъемлемую часть отечественной литературы, базирующуюся на более широкой традиционной почве, чем официально признанная, более критично осмысливает жизненный опыт современника, тематически своеобразную и более принципиальную во взгляде на творчество с точки зрения постоянного обновления».

О другой точке зрения: «По мнению элитаристов, большинство клуба состоит из посредственностей, весом обладает лишь творчество немногих... отсюда ультимативность тона, отсюда стремление выдать мнение двух-трех членов клуба за мнение истинное и не допускающее возражения высказывание о том, что отношения внутри клуба нужно строить не на равном уважении личности каждого члена клуба, а на исключениях... Элитаристская позиция неизбежно приводит к идее, что, помимо демократической структуры клуба, существует элитарный синклит, который должен определять *политику* клуба».

С этой статьи началась моя полемика с Виктором Кривулиным, которая продолжалась все годы существования клуба и временами вспыхивала в 1990-х годах. Причина оставалась прежней. Поэт, занимая по отношению к властям крайнюю из возможных публичных позиций, живо, как немногие, ощущал себя участником общения в том круге, к которому принадлежал и в котором хотел видеть себя лидером. Кривулин был исключительно популярен как поэт — он был поэтическим голосом независимой культуры, — при

этом бросалась в глаза его способность не слышать других и предлагать фантастические, практически неисполнимые решения. Члены клуба ожидали от правления совсем другого – открытости, настойчивого достижения уставных задач, расширения и усиления влияния клуба в независимом культурном движении Петербурга.

Недовольные своим положением в клубе находили поддержку и утешение среди литераторов, которые по тем или иным причинам в клуб не вступили. В этой среде и создавалась большая часть той «руморологии» (суждений, основанных на сплетнях и слухах), о которой написал Н. Подольский. Одна из причин – аллергия некоторых людей к пребыванию в организации любого толка. Сами собрания и заседания с повесткой дня, председателем и регламентом убивали для них излюбленный кайф общения, при котором каждый говорит и читает что хочет, в любой момент можно сбегать за бутылкой, и прочее. Клуб серьезно повлиял на межличностные отношения. Некоторые неофициалы не сразу поняли, что для существования клуба необходимо освоить новые ответственные формы общения, без которых нельзя обеспечить равенство прав, взаимоуважение и доверие друг к другу.

Между тем творческие вечера продолжались: вечер 23 марта 1982 года был посвящен теме «Современное петербургское изобразительное искусство и литература». Экспромтом была организована выставка работ художников, с

докладом выступили Ю. Новиков, С. Гершов, Игорь Иванов, Михаил Иванов, В. Кривулин и другие. В полемической схватке столкнулись крайние точки зрения на авангард и модернизм, на задачи и состояние современного независимого искусства.

11 мая снова аншлаг: многие петербуржцы впервые встретились со знаменитостями московской неофициальной поэзии – Бахытом Кенжеевым, Владиславом Леном, Дмитрием Приговым, Львом Рубинштейном, Ольгой Седаковой.

8 июня встреча клуба с группой «Аквариум»...

Из моего дневника:

От музея до станции «Владимирская» шел вместе с Ю. Андреевым, который в первые месяцы не пропускал ни одного клубного вечера. Некое высокое лицо, сказал Ю. А., не назвав его фамилии, меня предупреждает, чтобы «Иванов не зарывался».

В раздевалке музея Ю. А. сказал, что он, возможно, станет редактором альманаха «Молодой Ленинград». Я сказал, что он мог бы получить и более значительную должность.

Вскоре наш куратор занял в ЛО издательства «Советский писатель» кабинет главного редактора «Библиотеки поэта».

Ольга Бешенковская, впечатления о клубных вечерах (опубликованы в «Регулярных ведомостях»):

Вечера знакомств наступили после мучительно

многолетних ночей в творческих одиночках и глухих дней... Отсюда несколько демонстративный пафос чтений, триумфальное щелканье фотокамер, вереницы желающих со стороны рынка попасть на «концерт»... Тень Федора Михайловича исподволь способствует нагнетанию петербургского драматизма, а наличие зала, как всегда, провоцирует на эстрадные фокусы... Вечера знакомств – по сути своей – попытка приоткрыть, что искал и что нашел каждый за многолетнюю ночь... Значит, пора переходить от дела к слову – то есть к разговору о прочитанном?.. Я против... Выпустят издательства книжки поэтов и прозаиков, рекомендованные секциями, правлением и куратором клуба, – обменяемся мнениями... А пока – будем благодарны друг другу и клубу за то хорошее, что услышали здесь, за духовность, которой отмечены лучшие из прочитанных произведений и которая, как мне кажется, как принцип объединила более пятидесяти розно и разно пишущих.

Вячеслав Долинин вспоминает:

В кинозале Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского насчитывалось 100 сидячих мест, желающих же в него попасть, как правило, было гораздо больше. С самого начала пришлось пойти на ограничение допуска на клубные мероприятия. Члены клуба проходили беспрепятственно, прочие посетители пропускались по заранее составленным спискам, утвержденным клубным правлением. В

списки включались художники и литераторы, по разным причинам не вступившие в клуб, и почетные гости (назову Олега Викторовича Покровского, патриарха неофициальной культуры, ученика художника Павла Филонова и близко знавшего поэта Роальда Мандельштама). За полчаса до начала вечера мы с Коровиным надевали синие нарукавные повязки, сшитые для нас специально И. Адамацким, — цвет и форма заимствованы у дружинников, охранявших храмы в дни церковных праздников, и занимали пост у входа в музей. Несмотря на ограничения, народу набивалось до двухсот человек. Те, кому место в зале не досталось, толпились в фойе. Помимо прочего, мы с Коровиным должны были преграждать дорогу пьяным. Однако любители выпить нашли выход — они проносили спиртное в музей и распивали его в туалете, на лестницах. Мы напрасно пытались убедить директрису музея Беллу Нуриевну Рыбалко, что пустая посуда, которую она находила в разных местах, оставлена экскурсантами, почтившими память великого писателя...

Мне передавали, что на вечерах замечают «странных лиц». Я реагировал на такие сигналы с полным равнодушием. Номера «Часов» уже не раз при обысках попадали в руки гэбистов; вполне возможно, что у кого-то из подписчиков журнала есть приятель, который не только читает сам, но и предоставляет возможность знакомиться с ним «специалистам». Через третьих лиц до меня доходили и угрожающие

предупреждения.

Но разве не в том и заключается Утопия-2, чтобы на свой страх и риск, но с верой в успех раздвигать границы *свободы слова*! Пусть читают, пусть просвещаются, пусть привыкают к факту нашего существования. В России привычка – великое дело. Правда, твоя жизнь приобретает при этом несколько экспериментальный характер. Но и к этому можно привыкнуть.

Творческие вечера не требовали от правления особых хлопот, но вскоре конфликт клуба с директором музея Б. Рыбалко вышел за рамки местного значения. В старые меха тихого заведения вдруг влилась брага эмоционально взрывной силы с неакадемической наследственностью. И директриса, и правление клуба пришли к мнению: надо что-то делать. Музей удовлетворял наш клуб лишь отчасти – секциям и правлению собираться было негде.

И. Адамацкий, на которого легло решение этой проблемы, писал:

Уже с февраля 1982 года мы начали разговор о постоянном помещении для секционной работы клуба. Речь шла о каком-нибудь полу- или полном подвале, при этом Союз писателей или его Литфонд выступит юридическим лицом-арендатором. От Суслова услышал, что аренда – это сложно, денег у СП мало... что из писателей это удалось сделать только Р. Погодину... Эти речи велись в то время, когда в городе был избыток подвальных и первозетажных, никем

не используемых помещений.

Март, апрель, май председатель клуба обследует ситуацию с нежилыми помещениями в Дзержинском районе. Он, школьный учитель, входил в канцелярии, как воспитатель к неуспевающим ученикам. От порога показывал, что о чиновниках ему все хорошо известно и он заранее знает, что они скажут: «Помещения, если где-то и есть, то информацию нужно получать в ЖЭК, выведывать у дворников, что сведения собираются не то в городских трестах, не то в специальных комитетах учета, при этом постоянно производится как перераспределение их функций, так и аттестация помещений... и пр., и пр.». Адамацкий упреждал чиновные советы и отказы. Вскоре они привыкли к его снисходительному тону, к неунывающей настойчивости, к анекдотам о бюрократах. У него появилась сочувствующая агентура. В коридорах и по телефону выдавалась «секретная информация». Решать особенно головоломную задачу ему пришлось и выбивая помещение для «Пятой студии» Эрика Горошевского, входящей в клуб как «филиальный коллектив».

И. Адамацкий:

Наконец в Дзержинский РК КПСС к первому секретарю Г. И. Бариновой приглашаются Ю. Андреев и я для получения ключей от полуподвала старого флигеля постройки 1789 года на П. Лаврова, 5. Там была трехкомнатная квартира...

Прежде чем вручить ключи, секретарь ведет

беседу о литературе (ей нравится Пикуль), о том, с какими целями создан наш клуб: найти трех-четырех талантливых литераторов, остальных перевоспитать или попросту отсеять, – стандартная установка пастухов социалистической культуры!..

В продолжение целого года бесконечные хождения и звонки в Союз писателей (где очень мало денег), в райжилуправление, жилищный трест, в Литфонд (к Мустафаеву), который мог выдать то списанные стулья, то ведро белил. Ходил в подвал Дома писателей смотреть списанную мебель.

12 июня расширенное правление составляет документ:

АКТ осмотра помещения по адресу: ул. П. Лаврова, д. 5, кв. 4²⁶.

Мы, нижеподписавшиеся члены «Клуба-81, составили настоящий акт в том, что при обследовании настоящего помещения обнаружили следующее:

входные двери находятся в состоянии негодности;
отсутствует электросчетчик; электропроводка в аварийном состоянии;

двери сняты с петель, одна отсутствует;

газовая плита не укомплектована;

оконные заполнения нуждаются в выборочном ремонте и застеклении;

водозапорная арматура неисправна;

штукатурка потолков и стен обветшала;

²⁶ Помещение находилось в двухэтажном флигеле двора этого дома, в котором поселяли горожан на временное проживание.

нет почтового ящика;

помещение захламлено и замусорено...

12 июня 1982 г.

Адамацкий, Иванов, Новиков, Драгомощенко,
Аксенов, Бутырин, Долинин, Коровин, Шнейдерман.

Попытки председателя убедить арендодателя, прежде чем оформить аренду на клуб, придать помещению более-менее благопристойный вид к успеху не привели. Правление правильно поняло свои функции. В течение двух недель мы сокрушили в помещении перегородки, заделали, как могли, пол, кое-что подштукатурили, вынесли горы мусора.

История клуба – смесь драматических и комических ситуаций.

И. Адамацкий, «Мелочи жизни»:

Пришел на субботник. Задача – сокрушить перегородки и сломать печь. Сижу, жду коллег. Слышу голос: «А где тут старушка живет, которая деньги под проценты дает?» Появляется Аркадий Драгомощенко с топором на плече. Этим топором и была выломана первая доска.

Адамацкий за несколько месяцев просьб и напоминаний получил крохи из того, что требовалось: столы, стулья, светильники. Я принес стул из дома и все восемь лет старался сидеть именно на нем. Игорь Смирнов, по профессии архитектор-проектировщик, убедил СМУ (строительно-монтажное управление), не лишенное благотворительных инстинк-

тов, правда не сразу – на следующий год, сделать ремонт более основательно и бесплатно. Бригадир потребовал за ремонт чисто литературную мзду – роман В. Пикуля, находящегося в ту пору в зените всенародной славы. Достать книгу можно было только по блату. Ю. Андреев «Фаворита» – именно его требовали штукатуры и маляры – «достал».

...Возникла парадоксальная ситуация: если «параллельные структуры» – независимые творческие союзы – в Восточной Европе создавались явочным порядком и были объявлены идеологами КПСС «контрреволюционными организациями», наш клуб стал «параллельной структурой» с помощью... КГБ. Подозрение на этот счет пришло в голову кому-то в обкоме КПСС уже через полгода существования клуба. Нас посетил профессор социологии, фамилию которого не помню. Я на заседание правления опаздывал, до моего прихода социолог, опытный профессионал, успел задать моим коллегам несколько вопросов. Не появившись я вовремя, обкомовский разведчик получил бы следующий ответ: члены Клуба-81 видят свою задачу альтернативной Союзу писателей, политику которого считают для отечественной культуры пагубной, одним словом, разделяют идеи Пражской весны.

В самом деле, что хорошего могли сказать мои коллеги о ССП и партийном руководстве! Но ученый социолог ушел с другим выводом: да, члены клуба имеют претензии к ЛО ССП, особенно в той части, которая касается работы с молодыми литераторами, но верят, что возможны перемены к

лучшему, и видят свое будущее в тесном сотрудничестве с Союзом писателей, если тот признает их запросы. После того как я изложил эти мысли, вопросы нашего гостя к правлению были исчерпаны.

Так мы начали заниматься политикой, основанной на следующем допущении: за скромными переменами, происшедшими после «бульдозерной выставки» по отношению к неофициалам, стоит искреннее стремление партийного руководства к либерализации и развитию демократических начал. Мы это стремление видим, связываем с ним свои надежды и верим, что наступит время, когда разделение культур на официальную и неофициальную утратит смысл. Эту интерпретацию ситуации мы навязывали официальным лицам как лучшую из возможных, как позволяющую нам требовать от них доказательства своего демократизма, а нам обещать свою полную лояльность, как только перевоспитание властей будет закончено. Во всех документах, в которых клуб обращался к властям, можно заметить эту ноту. Каждый раз я только тогда мог сдвинуть перо с места, когда представлял власть способной поддерживать свою риторику о демократии практическими делами.

Дело Вячеслава Долинина

14 июня 1982 года позвонил Адамацкий и сообщил: сегодня утром арестован Долинин.

Решили обзвонить членов правления и уже вечером собраться на Петра Лаврова.

Вячеслав Долинин, который вращался в кругу людей, пробующих свои силы в литературном творчестве, уже года два принимал участие в работе редколлегии «Часов». В клуб на общих основаниях вступить не мог – литератором он не был. В конце марта, в связи с Долининым, меня встревожил один телефонный разговор. Человек, с которым я был едва знаком, спросил, не могу ли я связать его с представителем Фонда А. Солженицына в Ленинграде. Задавать такой вопрос открытым текстом по телефону мог только провокатор или, того не лучше, дурак. Не получив ответа, он с вызовом заявил, что знает, кто его свяжет с фондом, – Вячеслав Долинин.

При встрече с Долининым я рассказал об этом звонке. Как мне показалось, у него были и другие, неизвестные мне причины тревоги за свою судьбу. Предложил немедленно вступить в клуб. То, что клуб должен брать под защиту своих членов от политического преследования, для меня было аксиомой. Долинин засомневался: «Но я не литератор!» «Я буду рекомендовать вас как лучшую кандидатуру на должность клубного казначея».

В начале марта на общем собрании Долинин был в клуб принят. Он занялся сбором членских взносов и вместе с Сергеем Коровиным выпуском информационного бюллетеня «Регулярные ведомости» – название принадлежало ему. Мои подозрения оправдались, тот неприятный звонок был

частью операции, в ходе которой, возможно, пытались зацепить и меня.

Если не ошибаюсь, Адамацкий в день ареста Долинина побывал в его квартире и поговорил с его убитой горем матерью. Она не знала, что ее сыну инкриминируется. При обыске чекисты обычно конфисковали рукописную продукцию, чтобы без спешки ее в своем департаменте изучить. Часть текстов, собранных для клубных сборников и находившихся в доме нашего коллеги, изъята не была.

Как проходил обыск, В. Долинин позже описал:

В 1981–1982 годах я работал сменным мастером участка треста «Теплоэнерго-3», на котором работали члены клуба Владлен Гаврильчик, Аркадий Драгомощенко, Юрий Дышленко, Борис Иванов и Олег Охалкин, а также не вступившие в объединение поэты Ю. Колкер, В. Ханан и другие авторы самиздата. Весной я заметил за собой слежку. Запрещенную литературу из дома пришлось убрать. 14 июня, в семь сорок утра в дверь позвонили. От резкого звонка проснулся и сразу понял: пришли за мной. В дверях стояли три оперативника. Вслед за ними вошли бессловесные понятые. Начался обыск. К материалам, отпечатанным для клубных сборников, они даже не прикоснулись. Не интересовали их и поэтические подборки для антологии неофициальной поэзии Ленинграда 1950–1970-х годов²⁷. Среди бумаг

²⁷ Наше с Б. Останиным участие в создании антологии – лишь в идее. Эдуард

обнаружили второй номер «Регулярных ведомостей». Накануне мы с Коровиным успели отпечатать бюллетень только в двух экземплярах. За день до обыска первый экземпляр я передал куратору от ССП Ю. Андрееву, за которым закрепилось прозвище Юрий Андропыч. Вторым был тот, который держал в руках гэбист. Он полистал его и отложил в сторону: «Спасибо, это у нас уже есть».

Обыск продолжался девять часов. У меня изъяли номер журнала «Новый мир» с «Одним днем Ивана Денисовича» А. Солженицына, книгу Оруэлла «Памяти Каталонии», первый томик парижского издания «Доктора Живаго», а также целый мешок литературного самиздата, в том числе несколько номеров журнала «Часы», «37», сборник прозы Михаила Берга и т. д. Кассу клуба при обыске не тронули. Уже в камере на Шпалерной (тогда Воинова), 25, я написал отчет о своей работе казначеем клуба и передал дела Коровину.

Правление не сомневалось: клуб должен выступить в защиту своего члена. Адамацкому было поручено периодически звонить П. Коршунову и напоминать, что члены клуба протестуют против ареста их коллеги. Я должен был написать письмо в КГБ по Ленинграду и области, в котором выразить также протест против вызова Наля Подольского

Шнейдерман, Светлана Вовина, Юрий Колкер и Вячеслав Долинин объединив свои усилия, собрали (1981–1982 гг.) и опубликовали антологию под названием «Острова», в которую вошли стихи 80 поэтов.

на беседу в КГБ. Коршунов, который заступил на место В. Соловьева, при встрече внушал Подольскому, что осведомители органов, то есть «стукачи», это честные люди, выполняющие важные задачи по охране государственной безопасности. Бросать тень на эту категорию защитников отечества никому не позволительно, а в отрывке повести, которую Подольский читал в клубе, «защитник родины» изображен непривлекательно.

Выдержки из письма, направленного в Управление КГБ:

Арест В. Долинина и предупредительная беседа с Налем Подольским вызвала среди членов клуба сильный резонанс. Это воспринято многими как начало преследований и арестов или – желание запугать членов клуба. Правление клуба, которое многое сделало для того, чтобы создать среди литераторов атмосферу спокойствия, преодолеть настроения нигилизма и отверженности и следующие из этих настроений действия, теперь получает заявления о выходе из состава клуба, о необходимости созвать общее собрание с целью самороспуска объединения.

Мы не хотим ставить под сомнение объективность следственных органов – наша обязанность указать на сложность ситуации, в которой гуманность и вера в духовные силы человека могут привести к таким положительным следствиям, значение которых трудно переоценить. В составе клуба большинство людей впечатлительных и отзывчивых на каждое проявление доверия и милосердия. Правление готово,

если будет сочтено возможным, встретиться с Долининым и предложить ему дать твердое и ответственное обещание не заниматься впредь какой-либо политической деятельностью... Мы хотели бы, чтобы была рассмотрена возможность товарищеского воспитания, а не уголовного наказания... Мы верим, что сложность и новизна этой проблемы не послужит препятствием всесторонне рассмотреть наше заявление.

К моменту написания письма было уже известно, что, кроме Долинина, арестованы Ростислав Евдокимов и Борис Машилов, к клубу отношения не имеющие, – все по одному делу. Сомнений не было, арест с клубом не связан, и тем не менее клуб должен в согласии с Утопией-2 вытащить Славу из-за решетки. Эта идеология была сформулирована в начале заявления:

В конце прошлого года был создан Клуб-81. Его создание явилось ответом на ряд взаимосвязанных задач, из которых подчеркнем следующие:

- существование в Ленинграде безусловно талантливых прозаиков, поэтов, переводчиков, критиков, которые оказались в стороне от нормального культурного процесса, – не имеют публикаций, не входят в ЛО ССП или другие творческие объединения,

- отражение в их творчестве положения писателя, художника, вообще талантливого человека, не находящего себе места в нашем обществе,

- публикация их произведений на Западе

и неоднократные попытки создать творческие организации, помимо существующих в городе.

Далее говорилось, что создание объединения позволило «практически поставить вопрос о публикации членов клуба», «дало выход стремлению к общественной деятельности и вводило ее в круг культурных и творческих интересов». «Создание Клуба-81 весьма затруднило использование антисоветскими силами того клише, которым они в течение нескольких лет пользовались: *неофициальный литератор – противник существующего строя*. Их средства массовой информации после необъективных сообщений, появившихся вслед за созданием клуба, теперь старательно обходят факт его существования».

В письме создание клуба подавалось нами как наступление нового времени, как прекращение противостояния власти и неподцензурной литературы – писателей, отстаивающих свободу творчества, но не претендующих на власть. Только на платформе Утопии-2, считал я, наши отношения с властями вообще возможны. Мы ничем не собирались торговать, ни от чего не отказывались. Мы готовы идти вперед *по узкой дороге к демократии*. И с нами, и за нами готовы пойти не только неофициальные литераторы – все культурное движение. Под нашим, как я говорил, «зонтиком» нашли себе место – секция музыкантов и неофициальный театр. Журналы «Часы» и «Обводный канал» выходили и продолжали выходить.

Письмо вручали в приемной комитета. От правления в визите участвовали Адамацкий, Драгомощенко и я. От КГБ – Соловьев и Коршунов. Мы заявили, что арест Вячеслава Долинина создал ситуацию, из которой нужно выходить, если власти действительно хотят решить проблему неофициальной литературы. Коршунов выразил удивление, как это Долинин, не будучи литератором, оказался в клубе. Подобный аргумент я предвидел и охарактеризовал в письме и полемике нашего коллегу как человека с большими способностями литературного критика. Коршунов старался нас убедить, что арест Долинина никакого отношения к клубу не имеет, и просил объяснить это всем членам клуба.

В начале этой встречи произошла забавная сцена. Не успел я в приемной сделать двух шагов, как ко мне подошел В. Соловьев, шумно упрекая за то, что я продолжаю выпускать «Часы». Выходило так, будто бы я нарушаю достигнутую с ним договоренность. Я догадывался, что клуб *должен был* пойти в обмен на журнал, но разговор во дворце Белосельских-Белозерских пошел таким неожиданным для него образом, что психологически он не мог ставить мне какие-либо условия. И правильно сделал, я просто повернулся бы на 180 градусов. Но Коршунову, который участвовал в разработке задания, он так и не сказал, что на встрече со мной даже не заикнулся о запрете на выпуск «Часов». И вот теперь, когда Коршунов узнал, что вышел 35-й номер «Часов» за январь-февраль 1982 года, он воспринял это как вы-

зов своему ведомству, а Соловьев разыграл в его присутствии сцену своей непогрешимой исполнительности.

Коршунов хотел убедиться, что номер действительно вышел. «Мне пришлось напрячь своих ребят, чтобы достать ваш последний номер». Что же в этом номере сотрудник Пятого отдела прочел?

Он прочел повесть Наля Подольского «Кошачья история», в которой, наверное, ожидал найти что-нибудь компрометирующее «органы». Повесть вскоре окажется на Западе, будет отмечена Премией Даля, позднее будет издана массовым тиражом в России.

В разделе «Поэзия» журнал опубликовал две большие подборки Ольги Бешенковской и Владимира Шенкмана. Ничего хорошего о жизни в Стране Советов майор не узнал:

А жизнь – всего лишь форма ностальгии
По жизни, где какие-то другие,
Сиреневые, может быть, дома...

Хуже того:

Действительности нет.
В действительности нет
Ни дома, ни страны, ни ветки – воплотиться...

В. Шенкман мне запомнился стихами: « Я пустоты хочу, бескрайней пустоты, / Где нет истории, нет осени, нет слов».

В подборке этого номера лирический герой его стихов также пытается вырваться из времени и пространства:

В пространстве времени, как в метаанекдоте,
Мы только босховские чудища, одни
Немые призраки, и синее болото
Вот-вот сомкнется над твоею головой.

В разделе «Проблемы культуры» Коршунов прочел, что Советский Союз – это традиционное общество, «с образцовыми основоположниками, мощами, иконостасами и классическими оппозиционерами», о том, что «Россия так или иначе вовлечена в такие перемены, которые создают возможность для появления независимой творческой личности и реалистической культуры. Творческая личность не может возникнуть, иначе как подвергнув социум дегероизации, демистификации... Реализм приходит исторически как критическая волна, но эта критическая волна должна оздоровить и традиционные устои общества».

Из моей статьи «Реализм и личность» Коршунов мог узнать не только о закате коммунистической эпохи, но и об идеологии современной неподцензурной петербургской поэзии, о церемонии присуждения независимой литературной Премии Андрея Белого и о новых ее лауреатах.

Думаю, с захватывающим интересом он читал статью Юрия Новикова «Размышления после закрытия выставки на

Бронницкой»²⁸. Не надо было *напрягать своих ребят* – автор сам рассказал, когда была выставка, где проходила, и перечислил поименно всех ее участников, назвав тех, кто в квартирных выставках принял участие впервые; написал и сколько человек ее посетило. Статья выразила те настроения, которыми жило неофициальное искусство, уже ставшее важнейшим общественным институтом, без которого, писал автор, «наша бессобытийная жизнь становится бессмысленной». «Оно еще очень молодо, это искусство. Оно формируется на наших глазах, заполняя молодыми побегами безжизненное нагромождение валунов, развороченной глины и щебня, перемолотых движением ледника, замещая нежизнь – жизнью во всех ее жизненных противоречиях, противостоя энтропии, аккумулируя жизнотворную энергию в том, что сегодня кажется еще не искусством, но пульсирующими комочками прорастающей жизни».

В этом же номере опубликовано двадцатистраничное письмо в Министерство культуры СССР, отдел культуры при ЦК КПСС, заведующему отделом тов. Шауро В. Ф., под которым поставили подписи 69 художников²⁹. Письмо замеча-

²⁸ Выставка на Бронницкой улице состоялась в ноябре 1981 г., ее посетило около 2000 человек.

²⁹ С Юрием Новиковым мы познакомились в начале 1978 г., когда предпринималась попытка объединения журналов «37» и «Часов». Установки журналов, увы, не совпадали: издатели «37» В. Кривулин и Т. Горичева хотели сделать свое издание партийно-кружковым, выражающим взгляды издателей, редакторы «Часов» мыслили их печатным органом всего культурного движения. Издатели

тельно тем, что шаг за шагом прослеживает, как культурная политика властей блокировала в искусстве все, что не служило ее господству.

Идеология Утопии-2 присутствует в письме со всей определенностью. В нем выражалась надежда, что конфликт между официальной и неофициальной культурой при наличии доброй воли может быть преодолен.

«В противном случае, – заявляли художники, – если в кратчайший срок ситуация не будет разрешена, мы будем поставлены перед необходимостью создать собственные организационные формы». Новиков, главный автор заявления, в приписке разъяснил принципиальную задачу послания: «Если стоило писать письмо, то письмо пространное, рассчитанное на то, что оно может пояснить дело и человеку, который знает о неприрученных художниках лишь понаслышке, апеллировать к многочисленным фактам, ставшим уже историческими. Письмо должно просвещать инстанции относительно того, что происходило в действительности. Стоило также учесть, что времена меняются не только для художников, но и для чинов».

Утопия-2 со всей ясностью демонстрирует бессмыслен-

«37» недооценили талант Новикова видеть развитие изобразительного искусства и культурного движения Ленинграда в главном и целом – в контексте истории русского искусства, которую он прекрасно знал. На основе его очерков, заметок, обзоров неофициальной художественной жизни, которые «Часы» публиковали на протяжении десяти лет, написано множество статей, восстанавливалась история событий.

ность подслушивания, подглядывания, бесперспективность дальнейшего блокирования независимого культурного движения. Власть, изолировав неофициальную культуру от возможности свободно общаться с современниками, принудила ее участников создавать и развивать свою печать, свои журналы, проводить свои выставки, конференции, концерты, выбирать тех, кому они доверяют защищать свои интересы. Власть, пользуясь суррогатными источниками информации из вторых-третьих рук, искажаемой в интересах ведомств, создала специальные подразделения, завела своих шпионов, организовала слежку за теми, кто не имел иной задачи, как гласно заявить о своем праве на открытое для всех творчество. У непредвзятого читателя журнал не мог не оставить впечатления цельного, сильного, уверенного в себе наступательного движения, которое не заискивает и не трепещет пред лицом сильных мира сего, выстраивает свою политику на постоянном натиске, заявлениях о своем праве на существование.

В том же номере журнала Коршунов мог прочесть ответ на письмо заместителя министра культуры СССР Г. А. Иванова от 15 февраля 1982, поражающее своей анемией:

«Министерство культуры СССР полагает, что существующая в нашей стране система объединения художников и любителей искусства достаточно эффективно обеспечивает рост творческих кадров, развитие и пропаганду плодотворных творческих

тенденций». И в конце такой вот «системный» совет: «По нашему мнению, преодолеть все существующие противоречия могут и должны только они сами (то есть авторы письма) при объективной оценке своего труда и повышения требовательности к его результатам». Поразительная мысль: да, проблема есть, но ее может и не быть, если вы перестанете писать в инстанции, которые совершенны и предусмотрительны.

Утопия-1, как показывает ответ замминистра, не предполагает дискуссий на темы культуры. Есть «система», которая, как органчик в голове салтыковского героя, не только дает правильные ответы, но и «эффективно обеспечивает рост творческих кадров, развитие и пропаганду плодотворных творческих тенденций». Монтескье три века назад писал: «Сперва люди создают учреждения (системы), затем учреждения создают людей». Системы не думают, не переживают – в один прекрасный момент они просто разваливаются.

Прочитав «Часы», мог ли Коршунов требовать от меня прекращать выпуск журнала, который давал такое количество информации по его профилю, что он мог сразу же садиться за стол и писать отчет своему начальству? Коршунов попросил меня сделать его... подписчиком журнала! Но нет, за одним столом сидеть мы начали учиться, однако есть из одной тарелки еще рано.

Из записок И. Адамацкого «Внутри и рядом»:

26 июня

Беседа в приемной (КГБ) длилась около двух часов. Мы говорили, что вопрос о Долиnine будет постоянной помехой нормальной работе клуба, что из этой ситуации нужно выходить, что слишком многое поставлено на карту и т. д. Неделью спустя я еще раз напоминаю Коршунову о Долиnine, он мне говорит, что следствие будет долгим, что ничего определенного сказать заранее нельзя, выражает удивление, что мы собираемся выступать с общественной защитой. В июле я еще несколько раз напоминал Коршунову о Долиnine и о ситуации с художниками: у них образовалось товарищество, им нужна выставка, у них сложилась инициативная группа, включая Новикова, Григорьева, Ковальского.

16 июля

...в помещении на Лаврова, 5, состоялась в моем присутствии встреча художников Григорьева, Ковальского, Гиндпера с Коршуновым. Коршунов обещает поговорить в Управлении культуры об осенней выставке и просит поговорить с художниками, чтобы снять остроту напряжений, чтобы не было острых выпадов, чтобы на осенней выставке не было в первый день дипломатического корпуса и т.д. Напоминает, что конец всего предприятия – это конец его, Коршунова. «Тогда, – прибавляет он, – я пойду к вам работать сторожем».

Из записей И. Адамацкого:

Оценка Андреевым рукописей членов клуба, собранных для сборника:

Тиранин А. – тюремная тема, не столь интересная в наши дни (рассказ «Сепаратор»),

Коровин С. – в рассказе изображает всех подонками, все – гниль, все пропито, в жизни не осталось ничего светлого,

Козырева М. «Девочка перед дверью» – это скучно, без художественных выходов,

Кудряков Б. «Белый флаг» – рассказ построен на теме распада психики, на бездуховной, грязной среде,

Аксенов В. «Понедельник, 13 сентября» – снова лагерная тема, в рассказе она лишняя, ее убрать – и рассказ только выиграет,

Адамацкий И. «Каникулы в августе» – рассказ построен на социально отрицательном материале: из 2039 года появляется человек, ищет доносчика,

Берг М. Цикл рассказов – в тексте грубейшая неприязнь, ненависть к народу как к быдлу; изображение некоего супермена,

Беляев И. «Таксидермист, или Охота на серебристоухого енота» – для чего гофманиана? – чучело жуткого уроды, который выкрикивает провокационные лозунги,

Звягин Е. «Напиться на халяву» – тема: жизнь наркоманов.

В позиции авторов нет представления о собственных ценностях. Злобное брюзжание по любому поводу, от которого освободился даже Солженицын. Ради

чего? Тематически – нет новаторства. Художественно – монотонно. В перечисленных вещах нет одухотворенных целей, за которые можно было бы умирать. Необходимо у этих авторов попросить другие вещи. Или как-то поработать с авторами, например, высветлить Аксенова. Не пройдет лагерная тема. Во многих текстах эстетическая установка не проходит. Например, рассказ Б. Иванова «Ночь длинна и тиха, пастырь режет овец». – Почему там бегство художника к Христу? Какая идея? Какая искра?

Сегодня запись кажется пародией, в действительности же пародией на литературоведческий обзор было выступление представителя ССП. Главное в его речи – просвещение присутствующих, о чем и как нельзя писать, – цензурный кодекс, которым руководствуются все функционеры, подвигающиеся на поприще социалистического реализма.

После этой зауспокойной молитвы Андреев сказал, что он все-таки берется из четырех сборников составить один *проходной*, если какие-то вещи авторы заменят, а какие-то – подредактируют... Эта концовка в духе Утопии-2 стала вариантом продолжения совместной работы.

В клубном журнале «Регулярные ведомости» № 3 я поместил комментарий на выступление Андреева. Отметил: «Представления о *литературной норме* – норме в широком смысле этого слова – очевидно, не совпадают, но эти расхождения не настолько велики, как может представиться на первый взгляд». Общее в том, что ни в одном из произведений

сборника «нет стремления эстетизировать зло... Структура этических ценностей общая и не ставится под сомнение, но авторы не считают своей задачей доказывать то, что само собой разумеется... они представляют читателей не первоклассниками, а зрелыми людьми... Автор в традиции, которой следуют многие прозаики нашего клуба, не резонер, он не выступает в роли судьи, произносящего окончательный приговор, авторская позиция – это методическое использование иронии, от легкой, как, например, у С. Коровина, и веселой и уверенной – у И. Адамацкого и В. Аксенова – до саркастической у М. Берга... На наш взгляд, если произведения упомянутых авторов, вызвавшие наибольшие упреки, рассмотреть с точки зрения сатиры, эти упреки автоматически превращаются в содержательную характеристику новой советской сатиры. И тогда *мрак* становится мраком тех явлений, которые писатель взял в качестве предмета изображения, а не мраком, в котором повинен он сам».

При складывающейся ситуации можно было принять одно из двух взаимоисключающих решений: или настаивать на поочередной публикации уже составленных клубом сборников и на примере конкретных вещей, с участием авторов, вести полемику с Андреевым за каждую строчку, или предоставить составителю карт-бланш. Первое решение было принципиальнее, позволяло в случае успеха выпустить сборник оптимального достоинства. Но тогда неизбежно возникал конфликт между клубными составителями и авто-

рами, которым в сборнике место не достанется потому, что объем издания уже определен – 22 печатных листа. Переложив составление на Андреева, мы уходили от неизбежных тяжелых внутриклубных конфликтов.

Выстраивание отношений клуба с Ю. Андреевым, секретариатом ЛО ССП, П. Коршуновым, с музеем Ф. Достоевского было заботой правления, и оно требовало массу времени. Реакция на происходящее у членов клуба была разной – от предложения воинственных демаршей против властей до тихого сервилизма. Нужно было предлагать коллективу в каждой ситуации такую позицию, которая сохраняла наши скромные завоевания. Нужно было всем объяснять, что правление делает для этого в данный момент. Поэтому присутствовать на заседании правления мог каждый.

Правление решило предоставить карт-бланш куратору и все спорные вопросы решать с согласия авторов.

Из записей И. Адамацкого:

4 августа вызван на допрос к следователю Черкесову (капитан). Разговор – два часа, а в протокол записать нечего. Позже узнал: Черкесов был недоволен тем, что я со своей стороны изучал его, переводя разговор на сопредельные юриспруденции области. В протокол записал: «Долинина знаю мало, а знаю как человека исполнительного, честного, щепетильного, хорошего литературного вкуса, с критическими литературными способностями...» и что-то еще в таком же духе. Еще раз подчеркнул, что арест Долинина плохо отзовется на

клубе.

В истории ленинградской литературы была славная страница, когда несколько членов ССП выступили в защиту Иосифа Бродского. Сам Союз писателей осудил и Бродского, и его защитников. Клуб-81 как общественная организация впервые в Стране Советов выступил в защиту своего члена от политического обвинения.

Нам стало известно, что следствие заказало администрации «Теплоэнерго», где работал В. Долинин, отрицательную характеристику. И. Адамацкий отправился к начальнику участка и обвинил его в подтасовке фактов в угоду начальства. Начальник оправдывается: он характеристики не оформляет – это делает отдел кадров. Председатель клуба звонит капитану Соловьеву: вы заказывали компрометирующую Долинина характеристику? Соловьев: «Ничего подобного! Мы запросили просто характеристику».

На участке, где работал Долинин, около половины операторов котельных были *наши*. Когда я работал там, в моей котельной иногда собиралось по пятнадцать-двадцать человек, все литераторы, все читают самиздат. У меня возник план: в случае отрицательной характеристики коллектив участка ее опротестует и выдвинет своего общественного защитника. Но для этого нужно было на участке провести профсоюзное собрание. Я встретился с профоргом, который только что занял эту должность, – гнуснейший тип «шестерки» из военных отставников. Он получил удовольствие, узнав от

меня, что Чека действует и людей сажает.

Действия Адамацкого возымели результат – отдел кадров поручил составить характеристику руководителю участка И. П. Шкирко, который уважал Долинина за скромность и добросовестность. В итоге в деле нашего коллеги появилась положительная характеристика, которая по прейскуранту советского суда могла смягчить жесткость приговора.

Из записей И. Адамацкого:

26 ноября 1982 года, 16 часов

Приемная УКГБ. Присутствуют: хозяйева – Коршунов и Соловьев, гости – Адамацкий, Новиков, Иванов, Драгомощенко, Коровин.

Для начала я зачитываю цитату:

Ю. А. Андропов (на Пленуме ЦК 22 ноября 1982 г.): «Во всех областях экономического и социального прогресса поставлены крупные и в значительной мере новые задачи», «необходимо дальнейшее развитие социалистической демократии в самом широком ее смысле, то есть все более активное участие трудящихся масс в управлении государственными и общественными делами». Помимо клубных проблем, в первую очередь разговор о Долиnine. Мы снова повторяем те же доводы, что и прежде: арест и осуждение Долинина – ошибочный шаг в неверном направлении.

Наши собеседники оказывались в двусмысленном положении, когда слышали от своих оппонентов директивные указания своего вождя о «дальнейшем развитии социалистической демократии».

Каждую неделю Адамацкий продолжал звонить Коршунову с одним и тем же вопросом: «Павел Николаевич, когда Долинин выйдет на свободу?» Коршунов вначале не исключал такой поворот событий: «Лично меня это бы устроило». Но вскоре стал говорить, что следствие, скорее всего, затянется. А это значило, что в руках следствия стал накапливаться новый обвинительный материал и психологическое давление на подсудимых усилилось.

Из записей Адамацкого:

Коршунов считает, что Долинин ведет себя легкомысленно, говорит больше, чем требуется, а следователь — человек, он должен записывать все.

Наконец дело дошло до связей Долинина с членами клуба. В. Соловьев позвонил Адамацкому и сказал: «Следствие хотело бы вызвать на допрос ряд членов клуба, но мы убедили следователя ограничиться беседой с вами и Ивановым, привести вас поручили мне. Мы хотим избежать неадекватной реакции ваших товарищей по клубу и еще раз подтверждаем: Долинин проходит по делу, к клубу никакого отношения не имеющего». Из рук Соловьева Адамацкий получил повестку. Через несколько дней Адамацкий ответил на вопросы, заготовленные следствием, ответы были запротоколированы и подшиты к делу Долинина. Относительно меня Соловьев сказал: «Иванов проходит по протоколам допроса Долинина. Пусть мне позвонит. Иначе трудно будет удержать следствие. А так, может быть, поговорим, что-то решим по-

любовно».

Вспомнил отца Сергия (Желудкова). В 1973 году его вызвали в Москву по делу П. Якира и В. Красина. Он навестил меня, чтобы посоветоваться, как вести себя на допросе, — он знал, что я знаком с диссидентскими рекомендациями на этот счет. Отец Сергей сказал, что будет говорить о Красине как человеке замечательном, честном, искреннем и т. д. Я его предупредил, что следователя меньше всего будут интересовать такие показания. Он будет требовать ответов на вопросы типа: вы получили от Красина такую-то книгу, вы были у него дома, когда происходила встреча Красина с американским журналистом таким-то, и т. п. В этом случае диссиденты советуют либо ссылаться на плохую память, либо представлять главным действующим лицом человека, недоступного для преследования: уехал, умер... Простой отказ от показаний может привести к уголовному наказанию. После возвращения отца Сергия из Москвы он о допросе рассказал. Меня рассказ потряс.

Ему, собирающемуся представлять подследственного в ореоле духовно-нравственных достоинств, следователь стал зачитывать протоколы, в которых Красин детально рассказывал, когда встречался с Желудковым, какие книги тот приносил, какие брал, что говорил, с кем познакомил. Желудков стал все горячо отрицать, предполагая, что протоколы липовые, а факты, хотя и правдивые, никак не могли быть полученными от преданного диссидентскому делу и близкого

ему человека. Тогда ему было зачитано распоряжение чуть ли не Андропова, в котором заявлялось, что органы не станут подвергать наказанию тех людей, имена которых Якиром и Красиным будут названы. От Желудкова требуется лишь одно – подтвердить показания Красина, за себя он может не беспокоиться. Но отец Сергей снова отказался подписывать протокол.

И тогда произошло то, что не могло не потрясти: в кабинет ввели самого Виктора Красина, который стал просить своего духовника подтвердить свои признания. Это поможет быстрее закончить следствие, а чистосердечное признание Красиным своей вины облегчит ему наказание. «За себя не беспокойтесь, вас к делу КГБ не привлечет». Когда Желудков и на этот раз подтвердить показания Красина отказался, я не удержался: «Почему! Отец Сергей, он же просил вас!» – «Нельзя соглашаться с поступками человека, когда он совершает их во время духовной слабости...»

Я не стал звонить Соловьеву. В самом деле, о чем я мог договариваться с капитаном полюбовно! Если следователь хочет допросить меня, пусть вызывает в установленном порядке – шлет повестку... Прошло время. Соловьев напомнил о своем предложении: «Борис Иванович, почему вы не откликнулись на мое предложение?» Я сказал, что ценю в отношениях с людьми правдивость и искренность: «Но я бы не мог быть правдивым и искренним, отвечая на ваши вопросы о Долиnine».

14 декабря в музее Ф. М. Достоевского – первый вечер провела секция переводчиков. С чтением переводов выступили Виктор Антонов, Елена Зелинская, Владимир Кучерявкин, Борис Останин, Сергей Хренов.

Из записей Адамацкого:

Когда мы выразили беспокойство за судьбу «Круга», А. Чепуров на встрече с нами сказал, что возможны иные решения, в частности, клубные авторы могли бы предложить свои произведения в сборники и альманахи – в «День поэзии», «Молодой Ленинград», обратиться в издательство «Аврора», «Детская литература». Возможно кассетное издание стихов... «Но имейте в виду, идеология остается идеологией, мы живем в Советском Союзе, где марксистско-ленинская идеология, советская идеология требует повышенного внимания».

Нужно ли говорить о том, что из щедро предложенных возможностей ничего не получилось и получить не могло.

Из записей Адамацкого:

16 августа Ю. Андреев отдает стихи В. Нестеровского в номер «Невы» (аж в первый номер 1983 г.). Что из этого вышло, лучше не вспоминать: эти стихи – безнравственность, если не сказать – подлость.

17 августа. Коршунов:

– У Долинина серьезные связи с Западом. Но по-видимому, для Долинина складывается лучший вариант.

- Почему на допрос вызвали меня?
- Это инсценировка. Новикова и Иванова нельзя вызывать: с Долининым были связаны тесно.

Из воспоминаний Долинина:

На допросах иногда речь заходила о клубе. Следователь утверждал, что в клубе состоят сплошные антисоветчики. Я это отрицал и говорил, что литераторов политика не интересует, а к той деятельности, за которую был арестован, никто из них отношения не имеет.

Вызвали в КГБ председателя правления клуба Адамацкого. У него опыт допросов с 1957 года³⁰. Признаюсь, показания Адамацкого прочитал не без удовольствия. Из них я узнал, что являюсь человеком абсолютно лояльным коммунистическому режиму. Никаких антисоветских высказываний, по словам Адамацкого, никто и никогда от меня не слышал.

26 октября состоялся вечер памяти поэта Леонида Арон-зона. К этому времени большинство мероприятий клуба проводилось на улице Петра Лаврова, 5. Организовывал вечер В. Эрль, кроме него участвовали и другие литераторы из нашего круга, но в объединение не вступившие: Т. Буковская, В. Ханан, А. Альтшулер. Никакие другие мероприятия не позволяют нам так ощутить ветер истории, сопровождавший наши жизни, как вечера памяти! Звучавшие стихи пре-

³⁰ Как свидетель он привлекался по делу Револьта Пименова.

одолевали власть физической смерти.

Стало известно, что следствие по делу В. Долинина закончилось.

Из воспоминаний Долинина:

Следствие продолжалось девять месяцев. Я был вырван из привычной среды и постепенно осваивался в новой... В тюрьме меня окружали сотрудники КГБ и «подсадные утки» – публика, для которой моральные нормы не существуют. До ареста я практически не имел опыта контактов с КГБ, допросам никогда не подвергался. Сориентироваться в той жизни, научиться на практике различать подводные камни, а порой и лезть оказалось непросто. В результате я совершил целый ряд ошибок, которые потом, набравшись опыта, пытался исправить. Удалось это лишь частично.

Меня обвиняли по статье 70 УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда») ... Основными пунктами выдвинутого против меня обвинения были: издание – совместно с Ростиславом Евдокимовым – подпольного Информационного бюллетеня СМОТа (Свободного межпрофессионального объединения трудящихся), авторство ряда статей для эмигрантского (до 1992 года), а ныне печатающегося в Москве журнала «Посев» и традиционное для политических дел распространение запрещенной литературы...

Надо отметить, что в моих показаниях, наряду с обширными умолчаниями, содержалось немало

и откровенной дезинформации... В начале 1980-х КГБ пытался в третий раз посадить математика и историка Револьта Ивановича Пименова. По моему делу проходил микрофильм его книги «Происхождение современной власти», подписанный псевдонимом Спекторский. Пленку мне передал автор книги с просьбой переслать ее в зарубежное издательство. Я говорил, что о Спекторском знаю только то, что это персонаж поэмы Пастернака, об авторстве Пименова ничего не знаю, а с самим Пименовым вообще не знаком. Пленка же получена от человека, эмигрировавшего из СССР. От людей, уехавших из страны, согласно моим показаниям, получен и ряд других книг, в распространении которых меня обвиняли. Среди них «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам... На самом деле книгу я взял у Бориса Иванова, никуда из СССР не уезжавшего...

В конце 1982 года правление встретилось с секретариатом ЛО ССП. Из разговора можно было понять, что верхушка Союза писателей уже подбирает аргументы против издания сборника «Круг». А. Чепуров советовал нам произведения членов клуба предлагать в журналы, в сборники, – то есть заниматься не чем иным, как пустой тратой времени.

«Регулярные ведомости» подвели итог года... Куратору клуба переданы рукописи всех четырех составленных сборников произведений членов клуба. В письме в секретариат ЛО ССП выражались опасения, что непубликуемые про-

изведения членов клуба «получили тем не менее довольно широкое хождение в рукописном виде, и часть их оказывалась за границей, использовалась зарубежными издательствами». Правление клуба предложило «опубликовать сборники нетипографским способом с обозначением их правового статуса. Такое издание хотя и не является удовлетворительным, с точки зрения авторов (безгонорарное, малый тираж и пр.), тем не менее определит правовое положение их произведений... а также устранил тот материальный ущерб нашему государству, к которому эти нарушения приводят».

Идея малотиражных публикаций стала козырной картой клуба, используемой в дискуссиях с Союзом писателей: этим мы снимали свой *грех* публикаций за рубежом – это первое; второе – предложение подчеркивало лояльность творчества членов клуба, которые там публиковались; третье – малотиражные издания, говорилось, окупят себя; и четвертое – за границей отметят этот факт свободы печати, что немаловажно для авторитета СССР.

В «Ведомостях» опубликован протокол расширенного заседания правления клуба. Ю. Андреев на заседании сказал, что «на его взгляд, к публикации можно представить почти всех включенных в сборник поэтов». «Главный упрек прозаикам: изображение социально-отрицательной реальности...» Но основа для будущего сборника есть.

Из моего дневника:

Д. Марков³¹ : «Социалистический реализм – новая эстетическая система». Читаем: «Знание логики истории поднимает художника на уровень подлинно человеческой свободы – свободы от предрассудков и заблуждений» («Вопросы литературы», 1975).

То есть некая логика определяет ход истории. Умные художники подчиняются этой логике и не оказываются в плену заблуждений. Но «логика» и «история» предстают перед нами в лицах смертных, среди которых мы узнаем подлецов, авантюристов, невежд... Если эта логика не лишает человека способности к самопожертвованию, он способен восстать против нее, даже если ею управляет огромный аппарат нехудожников.

Из опыта первого года работы клуба

В первую очередь правление должно было выработать язык общения с партийно-литературными государственными лицами. Они смотрят на нас как на субъектов, на которых уголовные дела уже заведены. Но по опыту общения с В. Соловьевым, А. Чепуровым, Ю. Андреевым я понял: возникли обстоятельства, принуждающие власти к установлению с нами контактов и к уступкам. Это трофеи, вырванные у власти выставками независимых московских художников 1974 года,

³¹ Дмитрий Федорович Марков (1913–1990) – советский литературовед, один из теоретиков соцреализма.

питерскими подпольными конференциями в 1979-м и сам-издатом. Нас допускают теперь к публике не во фраке «социалистического реализма», а после проверки: АНТИСОВЕТЧИНОЙ от тебя не несет, ПОРНОГРАФИЕЙ не балуешься, РЕЛИГИЕЙ не заманиваешь?

В основу отношений с Союзом писателей, инстанциями партийными и госбезопасности мы положили устав клуба. В нем кратко изложены наши профессиональные задачи, не ограниченные какими-либо запрещениями, – что санкционирует наши права на независимую деятельность³². В жесткой стычке на учредительном собрании, когда мы отказались включить в устав слово «соцреализм», власть пошла на уступки, недооценив тот факт, что этим она признала *независимое культурное движение*, а оно уже имело свою историю, свои культурные достижения, самиздатскую периодику и т. п. Когда Г. Баринова, улыбаясь, говорила Адамацкому, что клуб позволит ее начальству отделить хороших овец от паршивых и соответственно с ними поступать, она еще не знала, что власти придется иметь дело не с частными лицами, как в шестидесятые годы с Бродским, а с новой культурой, интересы которой представляет клуб.

³² Ограничение было – мы согласились в тех случаях, когда члены клуба выступали с чтением своих произведений перед аудиторией за стенами клуба, представлять их на просмотр Ю. Андрееву. В уставе об этой договоренности не указывалось. Выступавшие часто включали в свое чтение вещи, куратору не представленные, КГБ, после эпизода с Н. Подольским, цензурные функции не присваивал.

В течение года самочувствие членов клуба изменилось. Для преобладающей части литераторов, уже вовлеченных и увлеченных строительством клуба, их будущее переставало быть культурно и социально безнадежным.

Отвечая на вопросы анкеты о роли Клуба-81 в его биографии, Н. Подольский написал:

Все мы были пришиблены и придавлены чугушной властью, и клуб многих избавил от комплекса незаконности собственного существования и тем более писания. Выросли стимулы к творчеству, возросло ощущение ответственности, в значительной мере исчезло чувство безнадежности, которое временами навещало нас... Вокруг клуба немедленно сложилась многослойная и масштабная руморология. Слухи, сплетни и выдумки плодились ежедневно и распространялись с удивительной скоростью... Одни видели в клубе отдушину, струю воздуха для дыхания, возможность хоть какого-то литературного бытия, другие считали, что всех нас скоро пересажуют. Марина Ж., помреж с телевидения, пришла однажды на чтение в диком макияже и темных очках для маскировки, ибо ее начальник предупредил, что посещение клуба даже в качестве стороннего любопытствующего небезопасно.

Много было о клубе недоброжелательных высказываний – от сравнительно мягкого «литературная зубатовщина» до радикальных заявлений, что все члены клуба попросту завербовались в агенты КГБ. Один мой знакомый, человек умный,

доброжелательный и настолько известный, что его имя в данном контексте упоминать не стоит, сказал: «Беги оттуда, пока не поздно! Ты что, не понимаешь, что они просто обкатывают список первой очереди кандидатов на уничтожение?...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.